5

Л. Стѣдовъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ
ВЪ РОССІИ.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собств. домъ.
1901.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

Изъ исторіи женскаго образованія въ Россіи.

(Е. Лихачевой. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1086—1880 гг. 290+301+267+647 стр. Спб. 1899—1901.)

Значительный объемъ книги, суховатость, мѣстами небрежность языка, малая систематичность изложенія—все это, быть можетъ, помѣшаетъ надлежащему распространенію труда г-жи Лихачевой, заглавіе котораго выписано выше. А это будетъ очень жаль. Онъ содержитъ массу цѣнныхъ фактовъ для воспроизведенія картины того, какъ выбился на свѣтъ Божій потокъ женскаго образованія въ Россіи.

Сперва можно замѣтить лишь небольшія случайныя струйки, на мгновеніе показывавшіяся на поверхности, чтобы потомъ снова изсякнуть, снова поглотиться сухой и рыхлой почвой. Быть можетъ, это была чистая ключевая вода, самопроизвольно выбивавшаяся изъ земли, но обстоятельства не позволили соединиться отдѣльнымъ струйкамъ въ могучій потокъ. Проходитъ время. Струекъ появляется больше. Рѣки все еще нѣтъ, но несомнѣнно, что гдѣ-то таятся родники, которые могли бы напоить цѣлую рѣку. Если ключъ не находитъ естественнаго выхода, можно дать ему искусственный, можно устроить колодецъ. Начинаютъ рыть колодцы, но сперва не тамъ, не возлѣ этихъ дремучихъ лѣсовъ, почва которыхъ содер-

житъ огромныя количества драгоцѣнной влаги, а среди парковъ и цвѣтниковъ. И здѣсь выбивается ключъ, вытекаетъ ручеекъ. Онъ такъ весело вьется среди цвѣточныхъ грядъ и лужаекъ, такъ краситъ пейзажъ, такъ веселитъ глазъ. Это такъ на самомъ дѣлѣ, и это возводится въ требованіе: ручеекъ только и долженъ, что ласкать глазъ да неяснымъ лепетомъ пробуждать несбыточныя грезы о радостяхъ бытія. Но этотъ искусственно вызванный къ жизни ручеекъ все глубже и глубже промываетъ свое ложе. Онъ домывается до водоносныхъ слоевъ, и то тамъ то сямъ—хлынули въ него уже новые ручьи. Уже не ручеекъ, а рѣчка передъ нами. Все шире разливается она, дѣлится на рукава. Теченіе, бывшее прежде главнымъ, превращается въ слѣпой рукавъ, въ старицу, въ озеро со стоячей водой, а новая рѣка все дальше пробиваетъ себѣ путь къ широкому и вольному морю. Сжившіеся съ тихимъ хорошенькимъ ручейкомъ не могутъ сразу примириться съ новой рѣкой. Неправильные изгибы русла, бурное теченіе—все это кажется имъ проявленіемъ дикости, которую нужно, по крайней мѣрѣ, хотя бы сгладить. Пытаются ввести рѣку въ искусственные берега, временами даже запрудить ея теченіе. Но рѣка рвется и черезъ запруды, и нѣтъ силы, которая остановила бы теченіе могучаго потока. Да и помимо того, все крѣпнетъ сознаніе, что не бояться слѣдуетъ этого потока. Не опасностью, а благомъ для страны является онъ. Много полезной работы свершаетъ онъ уже и теперь и свершитъ еще больше, когда искусственныя преграды исчезнутъ съ его пути...

Отъ этой общей картины мы позволимъ себѣ перейти къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя собраны г-жей Лихачевой.

Для первыхъ вѣковъ русской исторіи приходится отмѣчать лишь очень немногихъ образованныхъ женщинъ, женщинъ-самородковъ самоучекъ. Чуть ли не по одному

случаю на цѣлое столѣтіе удается отыскать г-жѣ Лихачевой: для XI в.—княжна Янка съ ея проблематической школой для дѣвочекъ, для XII в.—Евфросинія Полоцкая, для XIII в.—Евфросинія Суздальская. Были, конечно, и другіе случаи. Много вѣроятности за то, что не одна женщина научилась, по крайней мѣрѣ, грамотѣ при монастыряхъ, но нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ въ пользу этого. Но для XVI и XVII вв. уже можно найти рядъ указаній на то, что грамотныя женщины попадаются въ царскихъ, боярскихъ и даже незнатныхъ семьяхъ. Но если тогда и дѣлалось что-нибудь для женскаго образованія, то дѣлалось это само собою. «Правительство до Петра,—замѣчаетъ г-жа Лихачева,—не проявляло заботъ объ общемъ образованіи народа или даже отдѣльныхъ его классовъ; но оно и не регламентировало его. Могли учиться всѣ, кто чему и какъ хотѣлъ, безъ всякихъ опредѣленій и ограниченій званіемъ, поломъ и даже возрастомъ» [1]). Непосредственно для женскаго образованія не сдѣлалъ ничего и Петръ, но онъ вывелъ, какъ извѣстно, женщину изъ затворничества и косвенно далъ ей возможность пріобщиться къ образованію, какъ оно понималось въ первой половинѣ XVIII в. А оно и для мужчинъ сводилось главнымъ образомъ къ знанію иностранныхъ языковъ. И знаніе языковъ, особенно нѣмецкаго, въ высшихъ кругахъ, по крайней мѣрѣ, становится довольно распространеннымъ. Учились дома, хотя были и частныя школы для дѣтей обоего пола.

Еще больше школъ, но опять-таки лишь частныхъ, появилось при Елисаветѣ Петровнѣ. Въ большинствѣ случаевъ это были частные пансіоны, содержавшіеся иностранцами, преимущественно французами и француженками. Въ богатыхъ семьяхъ преобладало домашнее воспитаніе дѣвочекъ. Учили иностраннымъ языкамъ. Болѣе просвѣщенные родители старались также привить вкусъ къ чтенію.

---

[1]) Мат. для ист. ж. обр. въ Р. 1086—1796, стр. 32—33.

Такимъ образомъ до Екатерины II правительство предоставило женское образованіе естественному ходу вещей, ничего съ своей стороны не дѣлая для него. Но затѣмъ отношенія правительства мѣняются. Не имѣя даже на западѣ образца, кромѣ французскаго С. Сира, императрица Екатерина рѣшила насадить женское образованіе въ Россіи. Даже больше. Она рѣшила дать такое образованіе и воспитаніе женщинамъ, благодаря которому создалась бы *новая порода* людей. Въ тотъ вѣкъ громкихъ словъ, приподнятыхъ чувствъ и грандіозныхъ затѣй, все, вѣдь, разсчитывалось въ крупномъ масштабѣ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Говоря словами «Учрежденія особливаго училища», императрица стремилась къ тому, «чтобы благоучрежденнымъ воспитаніемъ обоего пола юношества произвесть новое порожденіе, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли, вслѣдствіе Высочайшаго намѣренія Ея Императорскаго Величества». Воспитанію приписывали тогда безпредѣльную силу. «Безъ сомнѣнія, — формулировалъ мысли императрицы ея ближайшій помощникъ въ воспитательныхъ начинаніяхъ, *Бецкій*, — справедливо оное всего свѣта общее мнѣніе, что добрые или худые нравы каждаго человѣка во всю его жизнь зависятъ отъ перваго его добраго или худого воспитанія». При этомъ особенно важнымъ считалось воспитаніе сердца, которое ставилось выше разума. «Ваше Императорское Величество хощете,—писалъ Бецкій,—чтобы съ изящнымъ разумомъ изящнѣйшее еще соединялось сердце; ибо качество разума не занимаетъ первой степени въ достоинствахъ человѣческихъ, украшаетъ оныя, а не составляетъ».

Чтобы добиться надлежащаго воспитанія сердца, рѣшено было начинать воспитаніе съ нѣжнаго возраста и подвергать воспитанницу длительному вліянію замкнутой среды. Раціональной считалась лишь система воспитанія въ строго закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ дѣти должны

были оставаться отъ 5—6 до 18—20-лѣтняго возраста. Относительно того, какъ вести воспитаніе въ этихъ заведеніяхъ, и Екатерина II, и Бецкій дали рядъ указаній въ различныхъ «Учрежденіяхъ», «Указахъ», «Наставленіяхъ» и т. п. То, что говоритъ по этому поводу императрица, «дышетъ,— по справедливому замѣчанію г-жи Лихачевой,—такою гуманностью, сердечною любовью къ дѣтямъ, уваженіемъ къ ихъ природѣ, боязнью въ чемъ-нибудь помѣшать правильному и свободному ея развитію, что предъ этимъ всѣ заблужденія и ошибки, обусловленныя иными временами и иными взглядами на воспитаніе, исчезаютъ безслѣдно». [1]) Императрица хотѣла создать не казарму, а семью, въ которой дѣтямъ бы вольно дышалось, гдѣ-бы они находили ласку, жили въ атмосферѣ радости и веселья. Отъ начальницы требуютъ поэтому не только кротости, благопристойности, учтивости, благоразумія, справедливости, но также и *непритворной веселости, отсутствія лишней важности и строгости* въ обращеніи съ дѣтьми. Дѣйствія воспитателей и воспитательницъ должны быть не только «благоразумны и искусны», но и соединены съ кротостью, а *«наиначе съ непринужденной веселостью»*. Хотѣлось также Екатеринѣ, чтобы ея школы выпускали не безукоризненно вылощенныхъ куколъ, могущихъ въ гробъ вогнать своею безукоризненною добродѣтелью обыкновеннаго человѣка, а по человѣчески чувствующихъ и думающихъ людей. Имѣя въ виду то воспитаніе, какое получила Марія Ѳеодоровна, Екатерина въ письмѣ къ Гримму выражаетъ ироническое сожалѣніе по поводу того, что не всѣ ея внучки названы именемъ святой Дѣвы Маріи: «тогда, по моему, онѣ держались бы прямо, заботились бы о своей таліи и цвѣтѣ лица, ѣли бы за четверыхъ, съ осторожностью выбирали бы себѣ чтеніе и, наконецъ, достигли бы того, что вездѣ, гдѣ бы онѣ ни жили, ихъ называли бы превосходными

---

[1]) Тамъ же, стр. 134.

гражданками». «Уставъ Воспитательнаго Общества» рекомендуетъ учителямъ и учительницамъ не заставлять дѣтей много учить наизусть, «не отягощать незрѣлый умъ излишними понятіями», не принуждать къ ученію съ жестокостью, чтобы оно «въ самомъ началѣ не показалось имъ горестью и не поселилось бы къ нему отвращенія»; рекомендуетъ также «разбирать сложеніе ребенка: скороно понятенъ ли онъ или медлителенъ въ понятіяхъ». Самымъ важнымъ считается не сообщеніе опредѣленнаго круга знаній, а привитіе вкуса къ знанію. «Уставы» неоднократно настаиваютъ на необходимости «приваживать дѣвицъ къ чтенію книгъ», «вперять въ нихъ охоту къ книгамъ», какъ къ источнику для расширенія своихъ познаній. Осуществленіе задачи воспитанія новыхъ женщинъ возложено было на учрежденное императрицей «Воспитательное Общество», при которомъ образовано два отдѣленія женской школы: дворянское—для «воспитанія двухсотъ благородныхъ дѣвицъ» и мѣщанское—для 240 дѣв. Школа помѣщалась въ зданіи отстраивавшагося тогда Воскресенскаго или Смольнаго, монастыря, оттуда и названіе «Воспитательнаго Общества», собственно «благороднаго» его отдѣленія, Смольнымъ монастыремъ.

Вначалѣ родители относились къ школѣ съ большимъ недовѣріемъ, и лишь съ трудомъ удавалось набрать полный комплектъ воспитанницъ. Потомъ стали отдавать охотнѣе, такъ что приходилось даже отказывать нѣкоторымъ за недостаткомъ мѣста. Всего въ царствованіе императрицы Екатерины II въ двухъ отдѣленіяхъ школы получило воспитаніе 1.316 дѣв., изъ нихъ успѣли кончить курсъ (съ 1764 по 1794 г.) 850: 440 на благородной и 410 на мѣщанской половинѣ. По первоначально задуманному плану особенно большія надежды возлагались на мѣщанскую половину (именно она должна была создать «новое порожденіе» женщинъ «третьяго чина»). Но довольно скоро она была отодвинута на задній планъ, и главное вниманіе было сосредоточено на «благородной»

половинѣ. Не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній о воспитаніи «мѣщанокъ». Учили ихъ, особенно въ первую половину царствованія Екатерины II, повидимому, немного, главнымъ образомъ,— рукодѣліямъ. Коммиссія народныхъ училищъ, изслѣдовавшая въ 1783 г. положеніе дѣлъ въ Смольномъ монастырѣ, нашла, что большая часть мѣщанокъ не умѣетъ правильно написать даже имени своего. Новой породы женщинъ мѣщанское отдѣленіе не создало, а выпустило въ свѣтъ (не считая вышедшихъ за мужъ) нѣсколько гувернантокъ и горничныхъ. Подъ конецъ царствованія Екатерины небрежное отношеніе къ воспитанницамъ изъ мѣщанокъ выразилось въ явной несправедливости къ нимъ. Было исключено 34 «мѣщанки» для того, чтобы предоставить больше мѣстъ дворянскимъ дѣтямъ. Поступилъ совѣтъ училища такъ, по его словамъ, «по опыту зная, что мѣщанки, принимаемы будучи изъ низкаго состоянія людей, по выпускѣ не приносятъ предполагаемыя пользы обществу». Главнѣйшее право, которое получали окончившія мѣщанскую половину,— это было закрѣпленіе за ними навсегда свободнаго состоянія. «Наистрожайше» было запрещено ихъ самихъ, «дѣтей ихъ и потомковъ въ крѣпостные себѣ люди записывать и утверждать какимъ бы то ни было образомъ». Такъ что если бы даже воспитанница мѣщанскаго училища и вышла за мужъ за крѣпостного, то вступившей съ ней въ бракъ и «рожденныя отъ нихъ дѣти отъ того часа имѣютъ быть вольными жъ».

Гораздо больше дѣлалось для воспитанія помѣщенныхъ на «благородной» половинѣ. Эта половина была строго аристократическимъ заведеніемъ. Въ уставѣ ея постоянно упоминается о «благородномъ происхожденіи», о «породѣ» воспитываемыхъ. Дворянство каждой дѣвицы должно было доказываться «настоящими дипломами и справками изъ герольдіи».

Императрица не на бумагѣ только выказывала заботливость объ этой «половинѣ». Она часто ѣздила туда,

играла съ дѣтьми, имѣла среди нихъ любимицъ, которымъ писала очень ласковыя письма. Но практика воспитанія не совпала съ первоначальными предположеніями. Выполнено было лишь требованіе относительно веселья. Дѣлали дѣйствительно много, чтобы веселить дѣтей. Но зато учили очень мало, а еще меньше пріучали мыслить, любить знаніе, стремиться расширить его чтеніемъ, о чемъ мечтала въ свое время императрица.

Наукъ въ программѣ значилось очень много, но всѣмъ этимъ наукамъ обучало нѣсколько француженокъ. Только въ 1772 г. былъ принятъ одинъ русскій учитель «студентъ не у дѣлъ», да въ 1776 г. назначенъ еще другой «изъ канцеляристовъ», для обученія воспитанницъ россійскому правописанію. Послѣдній, впрочемъ, вскорѣ былъ уволенъ «за неблагопристойное поведеніе». Совѣтъ училища былъ однако доволенъ успѣхами ученицъ. Онъ удостовѣрялъ, что онѣ «свидѣтельствованы въ чтеніи и писаніи на россійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ языкахъ, нѣкоторыя даже въ переводахъ, въ письменныхъ, а особливо на двухъ первыхъ сочиненіяхъ»; что онѣ экзаменованы «въ первыхъ частяхъ ариѳметики и геометріи, въ исторіи древней и новѣйшихъ временъ и миѳологіи, въ географіи и въ изъясненіи на глобусѣ принадлежащихъ къ практическому знанію разныхъ задачъ; въ рисованіи просто съ представленныхъ образцовъ, а нѣкоторыя въ родѣ цвѣтовъ и по вымыслу своему; въ черченіи архитектурныхъ рисунковъ, въ музыкѣ вокальной и инструментальной, въ скульптурномъ и токарномъ художествахъ, въ разныхъ свойственныхъ женскому полу рукодѣліяхъ, во всѣхъ частяхъ домоустройства, а сверхъ того наипаче Троице-Сергіевой пустыни отцомъ архимандритомъ Іосифомъ самимъ катехизованы въ догматахъ православія греко-россійской вѣры». Большинство ученицъ постоянно признавалось достойными различныхъ наградъ за блестящіе успѣхи въ наукахъ. Постановленіе объ этомъ совѣтъ дѣлалъ въ самыхъ трогательныхъ, хотя и мало

понятныхъ выраженіяхъ. «Какъ по засвидѣтельствованіямъ, такъ и по собственному въ присутствіи совѣта между тѣхъ дѣвицъ балотированію, употребляя для разсмотрѣнія со всевозможною строгостью вначалѣ познанія закона, нравовъ ихъ и поведенія, яко главныхъ украшеній гражданокъ споспешествующихъ благоденствію обществъ, а потомъ ихъ успѣхи въ знаніи наукъ, художествъ, съ прочими женскому полу свойственными рукодѣліями и подлежащими частьми домоводства, совѣтъ нашелъ, что многія изъ оныхъ благородныхъ воспитанницъ возмогутъ предъ очами общества предстать такими, каковыми уготовляютъ ихъ премудрыя учрежденія всемилостивѣйшей монархини».

Такъ писалъ совѣтъ въ 1782 г., а въ слѣдующемъ же году названная выше комиссія удостовѣрила, что «кончившія 12-лѣтній срокъ ученія воспитанницы имѣютъ такъ мало познаній въ языкахъ, наипаче въ россійскомъ, что едва могутъ изъясняться вразумительно о вещахъ простѣйшихъ и употребительнѣйшихъ».

Серьезно учили собственно одной только наукѣ, единственной, цѣнившейся тогда въ высшемъ обществѣ, именно изящнымъ манерамъ, умѣнью держаться въ свѣтѣ. «Въ этомъ отношеніи,—замѣчаетъ г-жа Лихачева [1]),—воспитаніе въ Смольномъ было обставлено какъ нельзя лучше. Все вокругъ воспитанницъ должно было помогать этой задачѣ воспитанія. Общество людей, въ которомъ онѣ вращались, было избранное; разговоръ и переписка велись преимущественно на французскомъ языкѣ, который употреблялся не только при дворѣ и въ высшемъ, но и во всякомъ, претендовавшемъ только на названіе «порядочнаго» обществѣ».

Смолянки (онѣ оставались въ монастырѣ 12 лѣтъ) дѣлились на 4 возраста, по 3 года въ каждомъ и начиная съ 3-го возраста ихъ практически знакомили со «свѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 191.

томъ». Въ Смольномъ часто устраивались ассамблеи, концерты, къ которымъ приглашались и посторонніе съ тѣмъ, чтобы дѣвицы могли «пользоваться разумными, острыми, замысловатыми и забавными разговорами, которые молодой благородной дѣвицѣ столь нужны къ достиженію необходимыхъ для нея познаній и для истиннаго воспитанія». Старшія воспитанницы ѣздили ко Двору, играли въ Эрмитажѣ, бывали на вечерахъ у Бецкаго и другихъ. Внѣ классовъ съ ними обращались не какъ съ дѣтьми, а какъ со свѣтскими дѣвицами, и Бецкій, напримѣръ, заканчивалъ свое письмо къ старшимъ монастыркамъ такими словами: «Я не имѣю времени бесѣдовать съ вами, что было бы такъ лестно для меня. Какъ вы любезны, тысячу разъ цѣлую ваши ручки и остаюсь съ искреннею и безграничною привязанностью, которая вамъ давно извѣстна, вашъ, милостивыя государыни, нижайшій и покорнѣйшій слуга И. Бецкій».

Насколько ставилась цѣль оторвать дѣтей отъ жизни и семьи, эта цѣль достигалась. Смолянки свободно держались въ обществѣ, онѣ могли служить украшеніемъ любой гостиной и въ то же время поражали всѣхъ своею полною неприспособленностью къ жизни, полнымъ незнаніемъ ея. Онѣ обучались всякимъ наукамъ—и забавляли публику своими вопросами въ родѣ того: «гдѣ то дерево, на которомъ растетъ бѣлый хлѣбъ?» А насколько дѣти отрывались отъ семьи, видно хотя бы изъ свидѣтельства П. И. Сумарокова, съ восторгомъ разсказывающаго о такой милой шуткѣ Бецкаго. Овдовѣвшая и потерявшая дѣтей мать проситъ о возвращеніи ей дочери - смолянки до окончанія курса. Бецкій, получивъ уже на то разрѣшеніе императрицы, притворно отказываетъ матери и, утѣшая, уговариваетъ ее остаться обѣдать. «Она осталась; пошли къ столу, и смущенная гостья сѣла подлѣ хозяина. Въ отдаленіи отъ себя увидѣла она статную, ловкую молодую дѣвушку, съ которой окружающія барыни разговаривали, выхваляя ея таланты. Госпожа сказала тогда: «какъ ми-

ла эта дѣвица, я завидую ея матери; моя дочь такого же возраста, и я очень бы желала, чтобъ она на эту походила». Лишь выговорила она сіи слова, какъ вдругъ г. Бецкій встаетъ, беретъ госпожу за руку и, приближаясь къ той дѣвицѣ, говоритъ: «Такъ обоймите-жъ восхваляемую: она дочь ваша, и государыня ее вамъ возвращаетъ».

Послѣ отчета комиссіи, постановка преподаванія въ Смольномъ немного измѣнилась. Учительницы были замѣнены учителями, введены новыя программы, предложенъ былъ новый методъ преподаванія, «нравы и поведеніе» стали считаться не главнѣйшей, какъ прежде, а «одной изъ главнѣйшихъ частей воспитанія». Но многія перемѣны остались на бумагѣ, и учебные планы комиссіи не были въ дѣйствительности примѣнены въ Смольномъ. Два мѣсяца послѣ смерти Екатерины II инспекторъ надъ классами Киріакъ докладывалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что введенный комиссіей новый способъ ученія совершенно не соблюдался въ Воспитательномъ Обществѣ на томъ основаніи, что «весь предлагаемый здѣсь учебный способъ ничего кажется не представляетъ кромѣ словъ, мало даже въ себѣ заключающихъ».

Что же дала новая Екатерининская школа? Судя по результатамъ воспитанія въ Смольномъ, приходится, конечно, прикладывать мѣрку того времени. Смольный давалъ то, что требовалось тогда отъ аристократическаго заведенія: онъ выпускалъ дѣвицъ, которыя могли блистать въ гостиныхъ. Но это и все. А не каждой изъ нихъ была приготовлена гостиная, которую онѣ могли бы украсить собою. Многимъ приходилось попасть въ самую убогую обстановку. Скрасить ее, внести туда хоть лучъ свѣта онѣ не были въ состояніи: истиннаго свѣта имъ и самимъ не было дано. Имъ—бѣлоручкамъ, не умѣвшимъ и не желавшимъ работать — оставалось либо зачахнуть, либо сбросить съ себя чисто внѣшній лоскъ образованія и зажить, какъ всѣ.

На ряду со школами Воспитательнаго Общества сохра-

нялись попрежнему частные иностранные пансіоны. Въ 1784 г. ихъ было 26 въ Петербургѣ и 10 въ Москвѣ. Были также и русскіе пансіоны и школы: въ Петербургѣ 17, въ Москвѣ 1. Въ иностранныхъ пансіонахъ училось около 500 дѣтей (изъ нихъ 200 рус.), въ русскихъ тоже до 500. Изъ этой тысячи учащихся обоего пола на долю дѣвочекъ приходилась лишь $^1/_5$.

Кромѣ того, въ царствованіе Екатерины было заведено и нѣсколько народныхъ училищъ. Въ годъ смерти императрицы въ этихъ училищахъ было 1.121 дѣв.—микроскопически малая величина, принимая во вниманіе, что населеніе Россіи равнялось тогда 26 милліонамъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II дѣла Смольнаго монастыря не отличались большимъ внѣшнимъ порядкомъ. Императрица постоянно приказывала принять то ту, то другую дѣвочку внѣ правилъ, и «къ концу царствованія императрицы Екатерины,—говоритъ г-жа Лихачева [1]),—всѣ порядки пріема и выпуска въ Обществѣ перепутались. Принимаемыя во всякое время, на неопредѣленные сроки, за различную плату, различныхъ возрастовъ, воспитанницы оставались иногда въ Обществѣ лишь 2—3 года, а иногда 14—16 лѣтъ, и выходили изъ него не 18-ти, какъ полагалось уставомъ, а нѣкоторые 14-ти, другія 20-ти». Императрица сама же мало вникала въ дѣла, и по ея смерти обнаружились въ Обществѣ большіе безпорядки, даже растрата кассиромъ Общества (онъ же экономъ, онъ же секретарь) около 73 тыс. Вся эта путаница и безпорядки были устранены, когда непосредственно послѣ смерти Екатерины начальствованіе надъ «Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ» было передано Маріи Ѳеодоровнѣ. Большая поклонница самаго методическаго порядка, непосредственно вникавшая во

---

[1]) Тамъ же, стр. 168.

всѣ мелочи дѣла, императрица Марія Ѳеодоровна стала фактической начальницей школы и внесла во все большой внѣшній порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она значительно расширила дѣло, начатое Екатериной II, и открыла рядъ новыхъ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, или институтовъ: въ 1797 г. былъ открытъ Сиротскій или Маріинскій институтъ, въ 1798 г.—Училище Ордена св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, въ 1803 г.—такое же училище въ Москвѣ, въ 1805 г.—Александровское мѣщанское училище въ Москвѣ (впослѣдствіи Александровскій институтъ). Въ 1807 г. императрица приняла въ свое вѣдѣніе дѣвичье училище военно-сиротскаго дома (впослѣдствіи Павловскій институтъ), въ 1807 же году устроила «французскіе» и «нѣмецкіе» классы при воспитательномъ домѣ, въ 1817 г. приняла подъ свое покровительство харьковскій институтъ и подъ конецъ жизни занялась устройствомъ (хотя и не успѣла довести его до конца) казанскаго и одесскаго институтовъ.

Небольшая частица женскихъ заведеній находилась въ царствованіе императора Александра I, кромѣ того, въ вѣдѣніи императрицы Елисаветы Алексѣевны. Это были дома трудолюбія для воспитанія дочерей благородныхъ родителей, устроенные въ С.-Петербургѣ (1806 г.), Симбирскѣ (1820 г.) и Москвѣ (1824 г.), и кромѣ того небольшое женское училище, устроенное въ 1813 г. Женскимъ Патріотическимъ Обществомъ и преобразованное въ 1825 г. въ «институтъ патріотическаго общества». Въ 1819 г. Елисавета Алексѣевна приняла подъ свое покровительство полтавскій институтъ.

Значительно расширивъ дѣло, императрица Марія Ѳеодоровна вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшила реформировать его. Отказавшись отъ широкихъ плановъ императрицы Екатерины, Марія Ѳеодоровна поставила женскому образованію практическую, даже больше—*профессіональную* задачу. Женская школа, по ея плану, должна была выпускать не людей образованныхъ, а *хорошихъ женъ*, *матерей* и *хозяекъ*.

Марія Ѳеодоровна выше всего ставила семейное начало, для семьи, и только для нея одной, и рѣшила она готовить воспитанницъ. А такъ какъ долголѣтнее пребываніе въ институтѣ отрывало отъ семьи, то продолжительность курса была нѣсколько сокращена: пріемный возрастъ опредѣленъ вмѣсто прежняго 5—6-лѣтняго въ 8—9 лѣтъ, и пребываніе въ институтѣ сокращено до 9 вмѣсто прежнихъ 12 лѣтъ.

Такъ какъ жены, матери и хозяйки въ семьяхъ различныхъ общественныхъ круговъ должны удовлетворять различнымъ требованіямъ, то прежній характеръ сословности не только не былъ уничтоженъ, но даже развитъ еще дальше. Была установлена цѣлая градація сословности. Для «родовыхъ дворянъ въ самомъ существѣ, а не по единому токмо чину родителей», предназначались: существовавшее уже раньше Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, два Екатерининскихъ института (с.-петербургскій и московскій) и дѣвичье училище военно-сиротскаго дома (во всѣхъ 4-хъ заведеніяхъ—470 штатныхъ какансій). Для дворянокъ же предназначались и дома трудолюбія и Патріотическій институтъ. Для недворянокъ существовали: мѣщанская половина Воспитательнаго Общества, Маріинскій институтъ, классы воспитательнаго дома и московское Александровское училище. Но постепенно мѣщанская половина и Александровское училище превращены были въ учебныя заведенія для низшаго дворянства и чиновничества, а для мѣщанокъ собственно оставленъ лишь Маріинскій институтъ на 40 штатныхъ воспитанницъ, да классы воспитательнаго дома на 25 чел. Харьковскій и Полтавскій институты предназначались главнымъ образомъ для дворянскихъ дѣтей, но допускалось также «нѣкоторое число изъ христіанскаго купечества 1-й и 2-й гильдіи». Но послѣдніе два института возникли отчасти по общественному почину, такъ что для нихъ найдено было возможнымъ допустить нѣкоторыя послабленія, въ другихъ же институтахъ слѣдили самымъ

строгимъ образомъ, чтобы сословія не смѣшивались. Для пріема въ дворянскіе институты требовалось не только дворянское происхожденіе родителей, но и то, чтобы они не «замарали» себя какой-нибудь недворянской профессіей. Такъ, совѣтъ отказалъ въ пріемѣ одной дѣвочки на благородную половину Воспитательнаго Общества на томъ основаніи, что отецъ ея, хотя и дворянинъ, но «скульпторъ, слѣдовательно художникъ», а поэтому нельзя помѣстить его дочь вмѣстѣ съ благородными. «При пріемѣ въ с.-петербургское училище ордена св. Екатерины 1802 г. императрица велѣла вычеркнуть изъ списковъ дочь «нѣмецкаго комедіанта, который намѣренъ опять вступить въ нѣмецкую труппу». Дочерей докторовъ, хотя бы они были изъ дворянъ, помѣщали на мѣщанскую, а не на благородную половину» [1]). Въ мѣщанское училище, постепенно превратившееся, какъ мы говорили уже, въ школу для дочерей чиновниковъ, не велѣно было принимать дочерей дьяконовъ, канцеляристовъ, подмастерьевъ и т. п., потому что «они не въ офицерскихъ чинахъ». Мѣщанки были не только почти совершенно вытѣснены изъ предназначавшихся для нихъ учебныхъ заведеній, но лишены были также дарованной имъ Екатериной II привилегіи. «Поелику время доказало, что таковая привилегія была поводомъ различнымъ спорамъ и тяжбамъ между помѣщиками и освободившимися такимъ побочнымъ образомъ людьми», то въ отмѣну прошлаго было постановлено: «свобода сохранится (при выходѣ замужъ за крѣпостного) лично ей одной... мужъ же ея свободою не пользуется, а остается попрежнему крѣпостнымъ тому, кому принадлежитъ, а по немъ и дѣти не выходятъ изъ собственности того помѣщика».

Даже во внѣшности должно было быть особенно подчеркнуто различіе между дворянскими и мѣщанскими дѣтьми. При Екатеринѣ II не было большой разницы въ содержаніи на благородной и мѣщанской половинѣ, дѣти

---

[1]) Мат. для ист. жен. обр. въ Россіи, 1796—1828 гг., стр. 54.

свободно сходились, китайской стѣны между ними не существовало. Марія Ѳеодоровна строго осуждала это [1]). «По распоряженію императрицы, воспитанницы мѣщанской половины не допускались и на празднества, происходившія въ Обществѣ даже въ такихъ случаяхъ, какъ освященіе церкви или новаго дома» [2]). Когда въ 1812 г., за невозможностью достать нужное количество экипажей, ученицъ московскихъ институтовъ увезли изъ Москвы въ Казань на телѣгахъ, Марія Ѳедоровна пришла въ отчаяніе и горько упрекала опекуна Нелединскаго-Мелецкаго. «Какъ вы, при тонкости вашихъ чувствъ, могли согласиться на жестокую мѣру—отпустить нашихъ дѣвицъ института св. Екатерины, которыя всѣ дочери дворянъ, всѣ благородныя, на телѣгахъ? Такая мѣра по отношенію и къ Александровскому училищу печальна; но примѣнить ее къ воспитанницамъ Екатерининскаго института—это нѣчто могущее привести въ отчаяніе; признаюсь вамъ, мой добрый Нелединскій, я объ этомъ горько плакала. Великій Боже! какое зрѣлище представилось столицѣ Имперіи, когда цвѣтъ дворянства увозили на телѣгахъ!»

Такимъ отношеніемъ къ дѣтямъ опредѣлялся и весь характеръ воспитанія. Цвѣтокъ очень холили. Не говоря объ огромныхъ суммахъ, которыя Марія Ѳедоровна удѣляла на школы изъ собственныхъ средствъ и къ пожертвованію которыхъ она умѣла привлечь и другихъ, она отдавала дѣлу всю себя. Не занятая никакими государственными дѣлами, она входила въ каждую мелочь («начиная съ программъ преподаванія до свалки снѣга и истребленія таракановъ» [3]), до назначенія и увольненія сторожей,

---

[1]) „Признаюсь,—писала она,—что вижу большія неудобства въ смѣшеніи благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскими, ибо несомнѣнно, что обязанности и назначеніе послѣднихъ во многихъ отношеніяхъ различествуютъ отъ обязанностей и назначеніи благородныхъ дѣвицъ; поэтому смѣшивать ихъ въ воспитаніи значитъ вредить обѣимъ".

[2]) Тамъ же, стр. 133.

[3]) Тамъ же, стр. 129.

трубочистовъ, прачекъ). Даже во время путешествій, смертельно больная, она засыпала начальницъ письмами то съ тѣмъ, то съ другимъ указаніемъ. Отдаваясь всецѣло своимъ женскимъ заведеніямъ, того же требовала она (и, конечно, совершенно безрезультатно) и отъ начальницъ. Инструкція начальницѣ Воспитательнаго Общества указываетъ ей, что «она должна, такъ сказать, сдѣлаться матерью для всѣхъ... надо, чтобы всѣ въ домѣ видѣли и были убѣждены, что начальница исключительно занята исполненіемъ своихъ обязанностей и что, занимая это высокое мѣсто, она дала обѣтъ посвятить всѣ свои нравственныя и физическія способности счастію каждой находящейся въ немъ личности». Особенно заботилась императрица о пищѣ воспитанницъ, постоянно просматривала меню и дѣлала замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: «зачѣмъ въ обѣдѣ воспитанницъ габеръ-супъ съ изюмомъ, а на второе блюдо вареный черносливъ? Зачѣмъ два дня сряду одно и то же кушанье? Зачѣмъ два, а не три кушанья за обѣдомъ? Зачѣмъ картофель за обѣдомъ? надѣюсь, что дали прошлогодній, ибо молодой еще вреденъ. Зачѣмъ даютъ грибы, отъ нихъ дѣлается разстройство желудка?» и т. д.

Что касается заботъ о воспитаніи и образованіи собственно, то главнымъ образомъ онѣ сводились къ тому, чтобы выхолить возможно болѣе *изящный* цвѣтокъ. Въ высшемъ обществѣ только этого и требовали тогда. Въ дѣвушкѣ попрежнему желали видѣть лишь побольше граціи и изящества, она должна была въ совершенствѣ владѣть французскимъ языкомъ, умѣть поговорить по поводу изящной литературы, имѣть кое-какія свѣдѣнія по различнымъ наукамъ, но чѣмъ болѣе поверхностныя, тѣмъ лучше, иначе можно прослыть смѣшной и скучной.

Въ духѣ этихъ требованій и направляла дѣло Марія Ѳеодоровна. «Существенно важно,—писала она въ инструкціи начальницѣ Воспитательнаго Общества,—заботиться о внѣшности воспитанницъ, объ ихъ осанкѣ, о томъ, чтобы

придать грацію ихъ тѣлу. Эти послѣднія качества, какими бы они ни казались пустыми, всегда придаютъ пріятность въ жизни и иногда доставляютъ прочное и продолжительное благосостояніе». И эта грація достигалась. Посѣтители экзаменовъ съ восторгомъ любовались «стройною, прелестною толпою невинныхъ дѣвицъ». Зная, чѣмъ угодить императрицѣ, начальницы въ своихъ донесеніяхъ ей особенно распространялись всегда объ изящной внѣшности институтокъ. Такъ, разсказывая о собраніи въ Екатерининскомъ институтѣ, начальница говоритъ, что, при видѣ множества хорошенькихъ воспитанницъ, ее спрашивали, не нарочно ли ихъ подобрали, и что всѣ вынесли такое мнѣніе, что хорошія манеры, ставшія рѣдкостью въ обществѣ, водворились въ институтѣ.

И въ дѣлѣ преподаванія преобладала таже декоративная сторона. Институты часто посѣщались высокими гостями, знатными и незнатными иностранцами, даже какими-то мексиканцами и перувіанцами. Нужно было, чтобы всѣ остались въ восторгѣ отъ видѣннаго. Спрашивали, конечно, только тѣхъ, кто зналъ, и то, что́ знали. Г-жа Лихачева приводитъ разсказы о рядѣ такихъ показныхъ экзаменовъ [1]). Учителя приспособлялись къ тому, что въ институтахъ, какъ отзывался Никитенко, «все дѣлается для парада и показа», и такимъ образомъ и вели дѣло.

Русскій языкъ, нѣсколько было утвердившійся въ институтахъ послѣ ревизіи комиссіи 1782 г., опять сталъ изгоняться при Маріи Ѳеодоровнѣ. Начальница «Дѣвичьяго училища», жалуясь императрицѣ, что воспитанницы говорятъ между собою по-русски, прибавляетъ: «надѣюсь, что въ будущемъ году мнѣ удастся совершенно искоренить въ нихъ дурную привычку говорить между собою по-русски и что я буду имѣть удовольствіе слышать ихъ говорящими по-французски». Начальницы внушали институткамъ, что говорить по-русски—смертельный грѣхъ.

---

[1]) Тамъ же, 160, 161 и слѣд. стр.

Когда вспыхнуло возмущеніе 14-го декабря 1825 г., и въ Патріотическомъ институтѣ была слышна пальба изъ орудій, начальница стала говорить институткамъ: «это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи; самый главный и тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по-французски и точно кухарки болтаете все по-русски». И бѣдныя дѣти повѣрили. «Въ страшномъ перепугѣ,—разсказываетъ одна изъ институтокъ,—мы вполнѣ сознали весь ужасъ нашего грѣхопаденія и на колѣняхъ предъ иконами съ горькими слезами раскаянія тогда же поклялись начальницѣ вовсе не употреблять въ разговорѣ русскаго языка. Наши заклятія были какъ бы услышаны; пальба внезапно стихла» [1]).

Большинство предметовъ было подчинено французскому языку и имѣло лишь служебное значеніе для усовершенствованія въ немъ. Геометрію, исторію, географію, физику сплошь и рядомъ преподавали на французскомъ (иногда на нѣмецкомъ) языкѣ. Объ изученіи предмета собственно при такихъ условіяхъ не могло быть, конечно, и рѣчи, но это и не имѣлось въ виду. Совершенно откровенно ставилась цѣль изученія той или другой науки для усовершенствованія въ языкѣ. «Мы ввели здѣсь,—писала императрица начальницѣ Екатерининскаго института, — очень хорошее средство усовершенствовать воспитанницъ во французскомъ языкѣ — это преподавать на немъ одинъ изъ предметовъ, напримѣръ, физику и естественную исторію, и успѣхъ оправдалъ наши ожиданія. Желательно, чтобы вы послѣдовали этому примѣру относительно тѣхъ же наукъ или какой-нибудь другой».

Насколько основательно проходился русскій языкъ, видно хотя бы изъ слѣдующихъ образчиковъ правописанія институтокъ. Бывшая воспитанница Екатерининскаго института писала въ 1809 г. императрицѣ: «пеподая костапамъ Вашего Императорскаго Величества коавгустей-

---

[1]) Тамъ же, 184 стр.

шей царицѣ... воспитанъница Екатерининъскава училища... мая прозба какъ мать мая приежала впетербурхъ 1808 года въ феврале... дажидатца да марта месеца... Подъданьная Раба Марья Каломнина».

Конечно, не всѣ писали такъ, но возможность даже отдѣльныхъ случаевъ, подобныхъ приведенному, характерна.

Трудно, конечно, сказать, какое отношеніе имѣло подобное воспитаніе къ поставленной ему цѣли: выпускать изъ заведенія хорошихъ женъ, матерей и хозяекъ. Цѣли этой не суждено было выйти изъ области благихъ пожеланій, какъ и той цѣли, которую ставила женскому образованію императрица Екатерина. И это, конечно, немудрено, такъ какъ планъ созданія въ школахъ добрыхъ женъ и матерей еще болѣе химериченъ, чѣмъ мечта о созданіи новой породы людей. Впрочемъ, иногда вспоминали, повидимому, о необходимости выработать хорошихъ женъ, и такъ какъ главною добродѣтелью жены считалась покорность, довольство окружающимъ, то ихъ и проповѣдывали институткамъ. Начальницѣ Воспитательнаго Общества императрица рекомендовала отстранять отъ воспитанницъ все, что̀ могло бы имъ внушить вкусъ къ этому «прекрасному идеалу», который такъ часто вредитъ «реальному благу». Особенно много «здравыхъ» правилъ будущія жены и матери могли почерпнуть изъ «Отеческихъ совѣтовъ моей дочери», которые не только усердно читались, но даже изучались въ институтахъ при Маріи Ѳеодоровнѣ. «Приготовляйся жить,—рекомендуютъ «Совѣты»,—въ дѣйствительной зависимости, хотя и прикрытой наружною маской почтенія, однако тѣмъ не менѣе существенной и даже можетъ быть нѣсколько тягостной».

Ученицамъ внушалось, что всякому мужу гораздо пріятнѣе «вмѣсто всякихъ диссертацій и ученыхъ разговоровъ, слышать счетъ, который жена ему предложитъ о своихъ экономическихъ распоряженіяхъ, и похвалять тѣ причины, которыя ее побудили поступать въ домашнихъ дѣлахъ

такъ, а не иначе». Прежде всего жена должна быть «совершенная швея, ткачиха, чулочница и кухарка, должна раздѣлить свое существованіе между дѣтскою, кухнею, погребомъ, амбаромъ, дворомъ и садомъ; должна цѣлый день летать съ одного мѣста на другое». По отношенію къ кругу, лежащему за предѣлами семьи, нужно быть всегда насторожѣ. Это—какъ бы вражескій станъ. Всѣ въ немъ могутъ «обмануть, провести и привлечь въ убытокъ, есть-ли найдутъ случай сдѣлать то тайно и незнаемо». «Всѣ мы, умный и глупый, добродѣтельный и порочный, никогда ничего не дѣлаемъ, не имѣя притомъ въ виду какой-либо награды, какой-либо выгоды».

Никто не назвалъ бы теперь образованными женщинъ съ тѣми знаніями, какія давались институтами того времени, съ тѣми понятіями, какія они старались внушить. Но нужно принять во вниманіе преобладающія требованія высшаго общества начала 19 в., общества по существу совершенно невѣжественнаго, умѣвшаго цѣнить лишь внѣшній лоскъ, во всемъ увлекавшагося декоративной стороной, приторно-снисходительно (особенно въ первое десятилѣтіе вѣка) относившагося къ женщинѣ. Въ то время достаточно было со стороны дѣвицы или дамы малограмотнаго даже, но «благороднаго упражненія въ словесности», чтобы прослыть за писательницу, за «Грацію-Россіянку». И какой-нибудь «Московскій Меркурій» или «Журналъ для милыхъ» не только печатали произведенія такой Граціи, но при этомъ разсыпались еще въ любезныхъ комплиментахъ въ родѣ: «цѣлуя мысленно сію руку и любя воображать ее прелестнѣе руки Анадіомены Апелессовой, увѣряемъ любезную сочинительницу, что ко всѣмъ произведеніямъ пера ея наша критика всегда будетъ имѣть самое набожное почитаніе».

Всѣ частные пансіоны того времени давали такое же декоративное воспитаніе, какъ и институты. На экзаменахъ въ лучшихъ пансіонахъ воспитанницы особенно отличались въ декламаціи русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ

стиховъ (это, по отчету «Дамскаго журнала» за 1826 г., было самымъ цвѣтущимъ полемъ для расцвѣтающихъ граціи), играли въ четыре руки, пѣли итальянскія аріи, танцовали характерные танцы «всѣхъ или почти всѣхъ націй».

Пансіоны были уже не только въ столичныхъ, но и въ губернскихъ, а иногда и уѣздныхъ городахъ. Въ 1824 г. во всѣхъ женскихъ пансіонахъ было 3.420 учащихся, но бо́льшая часть ихъ приходилась на прибалтійскій и западный край, а въ губерніяхъ чисто русскихъ въ пансіонахъ училось всего 1.390 чел. Въ народныхъ училищахъ тоже было нѣсколько больше учащихся дѣвочекъ, чѣмъ прежде, но въ общемъ число учащихся женскаго пола было все-таки очень невелико. «Это число, считая и воспитывавшихся въ институтахъ, не превышало, говоритъ г-жа Лихачева,—къ 1828 году 12.000—цифры по отношенію къ народонаселенію Имперіи (оно равнялось тогда 50 мил.) совсѣмъ ничтожной» [1])

Большого шага впередъ въ области женскаго образованія—ни въ смыслѣ увеличенія числа лицъ, на которыхъ распространялись блага образованія, ни въ смыслѣ улучшенія постановки дѣла—при Маріи Ѳеодоровнѣ такимъ образомъ сдѣлано не было. Наиболѣе отраднымъ фактомъ, который можетъ быть отмѣченъ для того времени, является нѣкоторое пробужденіе общественной самодѣятельности въ дѣлѣ распространенія женскаго образованія. Полтавское и особенно харьковское дворянства, съ писателемъ Квиткой въ главѣ, устраиваютъ собственные институты. Устраиваетъ на собственный счетъ пансіоны въ городахъ и у себя въ имѣніяхъ рядъ частныхъ лицъ (Кочубей, князь Ѳ. С. Голицынъ, графиня Чернышова и др.). Дѣлаютъ большія пожертвованія на институты и другія заведенія (казанская помѣщица Родіонова и др.). Большое желаніе содѣйствовать успѣхамъ образованія проявляютъ

---

[1]) Тамъ же, 265 стр.

учителя, и можно отмѣтить одну удачную попытку ихъ въ этомъ отношеніи. Это было «Частное училище дѣвицъ» всѣхъ сословій въ Харьковѣ, устроенное по иниціативѣ харьковскихъ учителей и поддержанное ихъ безплатнымъ трудомъ.

Послѣ смерти Елисаветы Алексѣевны (1826 г.) и Маріи Ѳеодоровны (1828) большая часть находившихся въ ихъ завѣдываніи женскихъ школъ была передана въ вѣдѣніе государыни Александры Ѳеодоровны. Но послѣдняя не была, какъ Марія Ѳеодоровна, фактической начальницей институтовъ, а состояла лишь почетной покровительницей ихъ. Непосредственное завѣдываніе переходитъ къ особой канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи (такъ наз. IV отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи). Государь Николай Павловичъ гораздо ближе входилъ въ дѣла институтовъ, чѣмъ его супруга, а съ 1844 г. большое вліяніе на постановку женскаго образованія пріобрѣтаетъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, впослѣдствіи (съ 1860 г.) главноуправляющій IV-мъ отдѣленіемъ.

Число институтовъ въ царствованіе Николая Павловича значительно увеличилось. Бо̀льшая часть ихъ открывалась уже не по иниціативѣ одного только правительства, а по почину и насчетъ дворянства и городовъ. Таковы были: одесскій институтъ (открытый въ (1829 г.), керченскій (1836), астраханскій (1837), кіевскій (1838), казанскій (1841), тамбовскій (1843), в.-сибирскій въ Иркутскѣ (1845), нижегородскій (1852) и саратовскій Маріинскій (1854). За свой счетъ правительство устроило обширнѣйшіе Сиротскіе институты при воспитательныхъ домахъ (въ Петербургѣ на 800 и въ Москвѣ на 700 воспитанницъ), а также институты въ Варшавѣ (1827), Бѣлостокѣ (1837) и Тифлисѣ (1840). Изъ прежде существовавшихъ были переименованы въ институты: дѣвичье училище военносиротскаго дома—въ Павловскій и мѣщан-

ское училище при Воспитательномъ Обществѣ въ Петербургѣ—въ Александровскій. Петербургскій, московскій и симбирскій дома трудолюбія переименованы въ Елисаветинскія училища. Кромѣ того, былъ открытъ съ пособіемъ отъ правительства рядъ образцовыхъ пансіоновъ: въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гродно, Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Винницѣ, Житомірѣ и Каменецъ-Подольскѣ, и принято въ вѣдомство Императрицы Маріи нѣсколько дѣвичьихъ училищъ, устроенныхъ на средства городовъ и частныхъ обществъ.

Изъ «Обозрѣнія», составленнаго IV-мъ отдѣленіемъ въ 1853 г., видно, что къ тому времени въ вѣдѣніи его находилось 46 женскихъ учебныхъ заведеній, изъ нихъ 39 закрытыхъ и 7 открытыхъ. Общее число учащихся—6.860, изъ нихъ громадное большинство—6.298—воспитывалось въ закрытыхъ заведеніяхъ. На долю столичныхъ заведеній приходилось 4.755, или болѣе $^2/_3$ всѣхъ воспитанницъ [1]).

Принципъ сословности былъ сохраненъ попрежнему въ полной силѣ. Большинство учебныхъ заведеній предназначалось для дѣтей «дворянъ по самому существу» и дослужившихся до дворянства. Главныя права на помѣщеніе дѣтей въ институты давала служба, выслуга высокихъ чиновъ. «Пріемъ во всѣ заведенія, содержимыя казной,—писалъ государь,—долженъ быть наградою за службу». Изъ дѣтей не-чиновныхъ дворянъ въ Смольный принимались лишь тѣ, родители которыхъ были записаны въ 5 или 6 часть родословной книги.

Внутренняя жизнь институтовъ и послѣ смерти Маріи Ѳеодоровны остается прежней. Можно лишь отмѣтить стремленіе Николая Павловича упростить бытъ институтокъ, сократить объемъ преподаванія, придать ему хозяй-

[1]) Сверхъ того въ вѣдомствѣ учрежденій Им. Маріи состояли еще: 81 пріютъ, 15 школъ Патріотическаго общества, 14—московскаго благотворительнаго, школы человѣколюбиваго общества въ обѣихъ столицахъ и дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ.

ственный характеръ. Институтокъ, по желанію государя, стали пріучать къ хозяйству, вездѣ почти были заведены образцовыя кухни, занятія въ которыхъ, впрочемъ, были совершенно фиктивны. Просматривая докладъ одного изъ институтскихъ ревизоровъ, Вонлярлярскаго, Николай Павловичъ помѣтилъ: «Весьма справедливо», противъ предложенія ревизора сократить объемъ преподаванія, чтобы «болѣе употреблять времени на пріученіе дѣвицъ практическому занятію хозяйствомъ и шитьемъ». Да и въ преподаваніи тѣхъ наукъ, которыя остались въ институтѣ, государь надписью на томъ же докладѣ предписывалъ держаться правила: «все вкратцѣ и безъ лишнихъ подробностей». Французскій языкъ попрежнему былъ главнымъ предметомъ, на которомъ еще въ 50-хъ годахъ часто преподавались различныя науки, хотя иногда императоръ и высказывался противъ подобнаго увлеченія: «нѣтъ большой пользы,—писалъ онъ,—чтобы хорошо болтали по-французски, а по-руски хорошо не умѣли говорить, а потому надо всячески стараться ихъ болѣе утверждать въ русскомъ языкѣ».

Институты и прежде были далеки отъ идеала семейной обстановки. Маркизу Вестминстеръ, посѣтившую Смольный и Екатерининскій институты въ 1827 г., еще при Маріи Ѳеодоровнѣ, поразила казарменная обстановка классовъ и дортуаровъ, принужденность и натянутость въ манерѣ дѣвочекъ. Теперь казарменность, повидимому, становится еще большей: одна изъ воспитанницъ московскаго Екатерининскаго института такъ характеризуетъ тогдашніе порядки и взгляды: «живой, нѣжный ребенокъ, лѣзущій ко всѣмъ съ ласками, представляетъ собою что-то невоспитанное, что̀ съ него стараются скорѣе стереть и привести все въ одну общую форму... Вѣчный страхъ отъ одного тона и физіономіи нѣкоторыхъ классныхъ дамъ, ихъ олимпійская недоступность, нежеланіе сблизиться съ воспитанницами, убивали въ зародышѣ желаніе пошалить... чуть шорохъ или смѣхъ въ классѣ, классная дама,

не возвышая голосъ, наказываетъ... Насъ доходили тишиной».

Писательница Кохановская вспоминаетъ о харьковскомъ институтѣ, откуда она вышла съ шифромъ въ 1840 г.: «Шорохъ женскаго шелковаго платья просто наводилъ на меня трепетъ; я уничтожалась; я не могла еще свергнуть съ себя ига тѣхъ сильно принятыхъ впечатлѣній, когда этотъ великолѣпный шорохъ торжественно слышался намъ на королевскихъ, большихъ и малыхъ, выходахъ нашей институтской начальницы, и, вмѣстѣ съ ея голосомъ и жестомъ властительной руки, онъ замораживалъ намъ дѣтскую горячую кровь, и мы блѣднѣли, тупѣли до идіотства... Во мнѣ убили свѣтлую безпечность молодого чувства, убили живой, порывающійся, этотъ прекрасный голосъ расцвѣтающихъ силъ, ищущій сообщаться, высказывать дѣтскимъ, беззаботнымъ лепетомъ ясную, дѣтскую душу... Что можетъ быть грустнѣе этого?» [1])

Казарменная дисциплина поддерживалась сложной системой наказаній, вплоть до тѣлесныхъ, употреблявшихся до начала 50-хъ годовъ во всѣхъ институтахъ, даже въ наиболѣе аристократическомъ—Смольномъ. Въ керченскомъ институтѣ въ большомъ ходу было оригинально-жестокое наказаніе: ученицу обертывали въ мокрую простыню и въ такомъ видѣ приводили въ классъ во время урока.

Что мудренаго, если обезличенныя и доведенныя муштровкой до отупѣнія существа выказывали полное равнодушіе къ познанію, брали все памятью (если хватало, конечно, на это охоты), не умѣя вдуматься въ смыслъ изучаемаго. Успѣхи въ наукахъ были болѣе, чѣмъ скромные. Вотъ отзывы инспектора классовъ о знаніяхъ выпускныхъ ученицъ Александровскаго института въ 1850 г.: «изъ ариѳметики—сносно для тѣхъ, кто, вступая, не умѣлъ сосчитать до двадцати; изъ исторіи—заучить могутъ, но понять смысла—нѣтъ; изъ русскаго языка—знаютъ только

---

[1]) Мат. женск. об. въ Рос. 1828–1856 гг., 79—81 стр.

грамматику, литературу и не проходили; изъ французскаго—говорятъ, но пишутъ съ ошибками». Много говорили въ то время объ устраненіи «ложнаго блеска», но эстетическій элементъ все-таки оставался на первомъ планѣ. «Декламація на трехъ языкахъ, какъ особый предметъ,—говоритъ г-жа Лихачева [1]),—преподавалась не только въ Смольномъ и Екатерининскомъ училищѣ, но и въ сиротскихъ институтахъ, гдѣ до 1845 г. на нее было назначено по $4^1|_2$ часа въ недѣлю для каждаго изъ языковъ въ классѣ кандидатокъ и въ двухъ старшихъ классахъ общаго курса».

Сознаніе неудовлетворительности постановки дѣла въ институтахъ повело къ назначенію въ 1844 году для реформы институтскаго воспитанія и образованія, особаго комитета подъ предсѣдательствомъ принца П. Г. Ольденбургскаго. Въ результатѣ работъ комитета и личнаго осмотра принцемъ институтовъ, явилась выработка «наставленія для образованія воспитанницъ» (1852 г.). «Наставленіе» подчеркивало необходимость строго-религіознаго воспитанія, такъ какъ «однимъ лишь симъ путемъ можно содѣлаться хорошею дочерью, полезнымъ членомъ семейства и общества и вѣрноподданною, готовою безукоризненностью всей жизни возблагодарить Государя и Государыню за всѣ оказанныя ей благодѣянія и передавать дѣтямъ съ самаго лепетанія младенца правила благочестія, добродѣтели и непоколебимой преданности къ Престолу и Отечеству».

Извѣстнымъ шагомъ впередъ въ «наставленіи», по сравненію съ прошлымъ; является постановка на первое мѣсто русскаго языка, введеніе нѣкоторой наглядности въ преподаваніи и указаніе на желательность развитія мыслительныхъ способностей. Но въ то же время значительно сокращена математика, одна изъ немногихъ институтскихъ наукъ того времени, дѣйствительно способство-

---

[1]) Тамъ же, 133 стр.

вавшая развитію мыслительныхъ способностей; оставлена одна ариѳметика, на которую отведено всего по одному уроку въ недѣлю. Сообщеніе научныхъ свѣдѣній «наставленіе» не признавало серьезной самостоятельной задачей. Прежде все подчинялось эстетическому, а теперь «политическому» (по терминологіи «Наставленія») назначенію женщины, состоящему въ надлежащемъ исполненіи обязанностей матери и супруги: «исполненіе сихъ священныхъ обязанностей и лучше, и выше всякихъ познаній историческихъ и географическихъ». Быть можетъ, именно потому, что въ женщинѣ такъ высоко цѣнилось ея «политическое назначеніе», на урокахъ исторіи рекомендовалось давать не объективное знакомство съ историческими фактами, а сообщать ихъ въ политически-тенденціозной группировкѣ и освѣщеніи. Цѣль и духъ преподаванія исторіи должны быть по «наставленію» преимущественно направлены «къ внушенію воспитанницамъ благоговѣйнаго уваженія къ тремъ кореннымъ основаніямъ государственнаго устройства: религіи, правительству и закону, равно къ объясненію истинныхъ началъ семейной и общественной жизни». «Исторія служитъ лучшимъ доказательствомъ необходимости Монархическаго правленія, къ которому послѣ продолжительныхъ смутъ и безпорядковъ всегда возвращались народы». Въ исторіи Россіи необходимо указывать «на важность значенія дворянства въ Россіи, назначеннаго для службы Государю и исключительно имѣющаго права владѣть крестьянами, коихъ участь ему ввѣрена и для коихъ помѣщикъ долженъ быть отцомъ, а помѣщица—матерью». При этомъ слѣдуетъ «вообще объяснять, что уравненіе всѣхъ сословій и состояній есть химера—несбыточная попытка разныхъ временъ и народовъ, имѣвшая всегда одни и тѣ же плачевные результаты, и что проповѣдники мнимой свободы, подъ личиною благодѣтелей народа, дѣлались всегда то притѣснителями его, то жертвами своихъ лжеученій».

Во что превращалось преподаваніе, если выполнялись

требованія «Наставленія», легко себѣ представить. Но даже и въ то время институткамъ удавалось иногда услышать живое слово, такъ какъ съ 30-хъ и по 1855 годъ въ числѣ учителей института были такіе люди, какъ Никитенко, Гоголь, Ешевскій, Шульгинъ, Стасюлевичъ. Особенно блестяще было поставлено въ 50-хъ годахъ преподаваніе въ кіевскомъ институтѣ, куда въ 1850 году былъ назначенъ инспекторомъ проф. Шульгинъ, привлекшій въ число преподавателей института профессоровъ Бунге, Иконникова, Костомарова, Петрушевскаго.

Къ числу сословныхъ школъ въ царствованіе Николая Павловича прибавились еще школы для дочерей *духовенства*, такъ назыв. *епархіальныя училища*. Иниціаторомъ ихъ устройства явилось IV отдѣленіе совмѣстно съ оберъ-прокуроромъ св. Синода. Уставъ перваго женскаго духовнаго училища, царскосельскаго, былъ утвержденъ въ 1843 году. Какъ это, такъ и еще два возникшихъ впослѣдствіи духовныхъ училища находились подъ покровительствомъ Императрицы. Они были обставлены лучше другихъ, учителя получали въ нихъ жалованье. Но кромѣ этихъ, духовныя училища, иногда, правда, лишь въ видѣ пріютовъ, появились по всей Имперіи, даже на окраинахъ. Большинство изъ нихъ существовало на случайныя пожертвованія, взносы духовенства и т. п. и могло держаться лишь благодаря даровому труду учительскаго персонала.

Цѣль воспитанія въ духовныхъ училищахъ, по уставу царскосельскаго училища, сводилась къ тому, «чтобы укоренять въ учащихся чистое православное ученіе и христіанское благонравіе, духъ кротости, подчиненности, благотворительности, любовь къ порядку, приготовлять ихъ къ будущему ихъ состоянію и преимущественно въ простомъ сельскомъ быту». Предметы ученія назначены были тѣ, какіе нужны для воспитанницъ, «какъ христіанокъ, будущихъ супругъ священниковъ, добрыхъ матерей и домохозяекъ». А такими предметами считались: русская

грамота, Законъ Божій, катехизисъ, священная исторія, изъясненіе православнаго богослуженія и преимущественно литургіи, ариѳметика до тройного правила и вычисленіе на счетахъ, русская грамматика, всеобщая исторія и географія кратко, преимущественно же русская, рукодѣліе, чистописаніе, рисованіе, сколько нужно для составленія узоровъ и шитья, церковное пѣніе [1]).

Для *«разночинцевъ» и среднихъ сословій*, вообще, кромѣ немногихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Имп. Маріи, существовало еще очень небольшое количество школъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Такъ, на весь петербургскій округъ имѣлось: 2 нѣмецкія евангелическія женскія 5-классныя школы (св. Петра и св. Анны) съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній, 3-классная римско-католическая школа св. Екатерины и 4-классное училище для образованія дѣвицъ въ Архангельскѣ. «Когда въ концѣ 50-хъ годовъ,—говоритъ г-жа Лихачева,—при учрежденіи женскихъ гимназій, вездѣ собирались свѣдѣнія о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ большинства губерній начальство доносило, что въ цѣлой губерніи нѣтъ ни одного учебнаго заведенія для дочерей небогатыхъ семействъ, а во многихъ нѣтъ даже и частныхъ женскихъ пансіоновъ» [2]). Отсутствіе учебныхъ заведеній для дѣтей небогатыхъ родителей побудило Мусинъ-Пушкина, попечителя петербургскаго округа, представить планъ устройства въ Петербургѣ открытаго «высшаго» училища, по программѣ подходящаго къ будущимъ женскимъ гимназіямъ. Проектъ не получилъ осуществленія, но интересенъ, какъ первая мысль о томъ, что удалось воплотить въ жизнь 10 лѣтъ позже.

Для *народнаго образованія* въ царствованіе Николая Павловича было сдѣлано очень мало. Одно время, правда, довольно значительно увеличилось число дѣвочекъ, уча-

---

[1]) Тамъ же, 166.
[2]) Тамъ же, 179.

щихся въ сельскихъ училищахъ. Произошло это благодаря участію въ дѣлѣ Московскаго общества сельскихъ хозяевъ, подъ вліяніемъ непремѣннаго секретаря общества Маслова. Онъ очень дѣятельно агитировалъ въ пользу обученія крестьянокъ грамотѣ, но лишь одной грамотѣ, и притомъ славянской. Своими статьями и брюшюрами онъ привлекъ къ дѣлу много помѣщиковъ и помѣщицъ, начавшихъ заводить у себя въ имѣніяхъ школы церковной грамоты для дѣвушекъ.

Принимая во вниманіе и эти сельскія школы, оказывается, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ къ 1856 состояло 51.632 ученицы (изъ общаго числа учащихся 482.802).

На ряду съ казенными заведеніями попрежнему существовали частные пансіоны, а въ болѣе или менѣе состоятельныхъ семьяхъ дочерямъ давали домашнее воспитаніе. Но при Николаѣ Павловичѣ правительство сочло необходимымъ наложить свою руку и на частное воспитаніе. Положеніемъ о домашнихъ наставникахъ 1834 г. было постановлено, что воспитаніе, «гдѣ бы оно совершаемо ни было, въ общественномъ ли заведеніи или подъ родительскимъ кровомъ, если только, слѣдуя данному направленію, стремится къ единому началу, равно составляетъ неразрывное цѣлое, одно великое государственное дѣло, близкое къ сердцу всѣхъ, важное въ глазахъ правительства». Во всей Имперіи строго было воспрещено «принимать въ дома дворянъ, чиновниковъ и купцовъ иностранцевъ обоего пола, не получившихъ аттестатовъ отъ русскихъ университетовъ, учителями, наставниками или гувернерскаго званія, не имѣющихъ свидѣтельства о нравственности и поведеніи, требуемыхъ указомъ 12 іюля 1831 года». Въ томъ же 1834 году назначены были особые инспектора для наблюденія за тѣмъ, «чтобы воспитаніе въ пансіонахъ утверждено было на основныхъ началахъ русской жизни: Православія, Самодержавія и Народности».

Между частными пансіонами попадались и хорошіе, на-

примѣръ, пансіонъ жены извѣстнаго педагога Чистякова въ Петербургѣ, но въ большинствѣ дѣло велось по старой рутинѣ: въ нихъ, говоря словами Гоголя, учили французскому языку, вязанью кошельковъ и игрѣ на фортепьяно; учили, конечно, хорошимъ манерамъ и сообщали обрывки знаній подъ спеціальнымъ соусомъ. И въ нихъ, какъ почти во всѣхъ «лучшихъ» школахъ того времени, женщины получали, говоря словами Бѣлинскаго, «воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ничтожное, хуже, чѣмъ превратное и неестественное».

Къ концу царствованія Николая I въ области народнаго образованія все, казалось, застыло въ своей неподвижности,—все: и эта лѣстница сословныхъ закрытыхъ заведеній, усовершенствованіе которыхъ заключалось лишь въ томъ, что принципъ касты проводился все дальше, и что каждое изъ заведеній, предназначавшихся для того или иного подраздѣленія касты, все больше приближалось къ общему идеалу—казармѣ; и эта система регламентаціи и опеки, полное отрицаніе общественной и личной иниціативы, доходящее вплоть до вмѣшательства въ дѣло домашняго воспитанія. И при этомъ полное почти отсутствіе всякой критики, гулъ славословій, заглушающій всякую попытку независимаго слова, подъ конецъ совершенное исчезновеніе такого слова.

И вдругъ подуло свѣжимъ вѣтромъ. Высокій подъемъ общественнаго настроенія, наступившій вслѣдъ за окончаніемъ крымской кампаніи, не прошелъ даромъ и для дѣла образованія. Всѣ заговорили о воспитаніи. Вслѣдъ за Пироговымъ стали требовать и для женщины не профессіональнаго воспитанія, которое готовило бы ее для гостиной, для семьи, для кухни и т. д., а общечеловѣческаго. Въ литературѣ начинаютъ громко говорить противъ сословности воспитанія, противъ системы закрытыхъ школъ, требовать общесословныхъ открытыхъ учебныхъ заведеній, одинаковыхъ какъ для мужчинъ, такъ и женщинъ. И правительство идетъ навстрѣчу назрѣвшимъ потреб-

постямъ. Еще въ 1856 году былъ рѣшенъ въ принципѣ вопросъ объ устройствѣ открытыхъ всесословныхъ женскихъ школъ: докладъ министра народнаго просвѣщенія, высказавшагося за необходимость такихъ школъ, получилъ Высочайшее одобреніе. Одновременно съ этимъ ослаблена была опека надъ частными школами, хотя отчасти удовлетворявшими потребности образованія въ среднихъ классахъ,—опека, доведшая было ихъ до полнаго уничтоженія. «Высочайшимъ повелѣніемъ 17-го января 1857 г.,—говоритъ г-жа Лихачева,—разрѣшено открывать въ столицахъ частные пансіоны и школы; вообще «отмѣнялась вредная монополія и вводилось благодѣтельное соперничество въ дѣлѣ частнаго воспитанія». Разрѣшеніе открывать пансіоны и школы давалось всѣмъ русскимъ подданнымъ, но при строгой разборчивости нравственныхъ ихъ качествъ и благонадежности; въ томъ же году оно было распространено и на «благонадежныхъ уроженцевъ западныхъ губерній, при чемъ разрѣшалось и преподаваніе на польскомъ языкѣ» [1]).

Въ первое время вопросъ о школахъ новаго типа разрѣшался въ министерствѣ народнаго просвѣщеніи безъ особой поспѣшности. Прежде всего были опрошены попечители округовъ. Какъ и слѣдовало ожидать отъ чиновниковъ, выслужившихся при старомъ режимѣ, почти всѣ они (за исключеніемъ казанскаго) оказались поклонниками прежней закрытой и сословной системы воспитанія, доставлявшей родителямъ «увѣренность, что дочери ихъ будутъ встрѣчаться въ школѣ съ равными имъ, и что на ихъ успѣхи, пріемы и поведеніе будетъ обращено особое вниманіе». Для среднихъ классовъ общества, по мнѣнію большинства попечителей, было бы достаточно устроить элементарныя 4-хклассныя школы безъ иностранныхъ языковъ. Но все это должно было остаться частными мнѣніями попечителей послѣ опубликованія въ 1857 г.

[1]) Мат. для ист. женск. образ. въ Рос. 1856—1880, стр. 19—20.

Высочайшаго повелѣнія: «приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ на первый разъ въ губернскихъ городахъ женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу къ гимназіямъ, по мѣрѣ способовъ, которые къ тому могутъ представиться».

Теперь попечители округовъ обращаются за содѣйствіемъ къ губернскому начальству, послѣднее обращается за матеріальной поддержкой къ купечеству и дворянству. Купечество не даетъ опредѣленнаго отвѣта, дворянство отвѣчаетъ отказомъ. Искреннее содѣйствіе вездѣ готовъ оказать педагогическій персоналъ мужскихъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, соглашающійся даромъ преподавать въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ, собирающій средства путемъ устройства спектаклей и т. п. Откликаются и отдѣльныя лица. Реальнымъ послѣдствіемъ возбужденія вопроса явилось открытіе на свой счетъ въ Костромѣ *Григоровымъ* всесословнаго женскаго училища для приходящихъ, перваго въ Россіи (26 авг. 1857 г.), и преобразованіе существовавшаго въ Рязани небольшого училища въ открытое училище съ шестигодичнымъ курсомъ. Но все это не создавало прочнаго фундамента для дѣла, и еще въ концѣ 1857 г. вопросъ объ открытыхъ всесословныхъ женскихъ школахъ находился въ министерствѣ народнаго просвѣщенія въ неопредѣленномъ положеніи.

Но задержанное здѣсь движеніе въ пользу этихъ школъ получило неожиданную поддержку въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи. Благодаря талантамъ и энергіи инспектора Павловскаго института, проф. Н. А. Вышнеградскаго, сумѣвшаго привлечь къ открытой системѣ женскаго образованія симпатіи принца Ольденбургскаго, дѣло быстро двинулось впередъ. Въ началѣ 1858 г. на утвержденіе Государя и Императрицы былъ представленъ выработанный Вышнеградскимъ проектъ 7-класснаго открытаго женскаго училища для дѣтей всѣхъ состояній, а 19 апрѣля 1858 г. въ Петербургѣ уже было открыто, подъ назва-

ніемъ Маріинскаго, училище въ составѣ 4-хъ первыхъ классовъ съ 140 ученицами. На открытіи присутствовала Императрица Марія Александровна, очень сочувственно выслушавшая рѣчь Вышнеградскаго о сущности новой системы образованія: «одно солнце на небѣ,—говорилъ онъ:—никакіе искусственные огни не могутъ замѣнить его свѣта и теплоты; одна только на свѣтѣ у каждаго изъ насъ мать, и никакія искусственныя мѣры не замѣнятъ ея нѣжности и любви... школа учитъ лучше, чѣмъ семья, а семья воспитываетъ несравненно лучше, чѣмъ школа... Мы совершаемъ праздникъ семейныхъ началъ въ воспитаніи, праздникъ системы образованія, которая по своей естественности представляетъ новое ручательство за правильное развитіе отечественнаго юношества».

Въ томъ же 1858 г. вѣдомствомъ Императрицы Маріи было открыто еще 3 такихъ же училища въ Петербургѣ (начальникомъ всѣхъ этихъ петербургскихъ училищъ назначенъ Вышнеградскій) и одно въ Вышнемъ-Волочкѣ, а въ 1859 г.—6 училищъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ новыхъ школахъ и дѣло повелось по-новому. Помимо того, что воспитательныя собственно функціи были возложены главнымъ образомъ на семью,—и самую школу старались, по возможности, приблизить къ типу семьи. Прежняя казарменная дисциплина исчезла. «Все, что истекаетъ,—писалъ Вышнеградскій,—изъ естественныхъ и разумныхъ требованій дѣтской природы, какъ-то: живость движеній, рѣчи и т. п., доколѣ не выходитъ изъ предѣловъ приличія, разсматривается нами не какъ проступокъ, который надо наказать, а какъ естественное, необходимое проявленіе, подавлять которое крайне вредно и для умственнаго, и для нравственнаго развитія дѣтей... Мы старались внести въ свое обхожденіе съ дѣтьми стихію любви и ласки и изгнать изъ него стихію страха». Вмѣстѣ съ тѣмъ и преподаваніе было поставлено гораздо серьезнѣе, чѣмъ въ институтѣ. Особенно широко и обстоятельно было организовано дѣло на открытыхъ при Маріинскомъ

училищѣ двухгодичныхъ педагогическихъ курсахъ, гдѣ педагогику читалъ Вышнеградскій, исторію—проф. Брикнеръ, естественныя науки — профессора Брандтъ, Ландцертъ, Петрушевскій, Тыртовъ. Ландцертъ собиралъ иногда слушательницъ въ академіи для демонстрацій на трупахъ, у Петрушевскаго курсистки практически занимались въ физическомъ кабинетѣ, Брандтъ приносилъ массу препаратовъ, дѣлалъ вскрытія животныхъ. Все это вызывало разнообразные толки въ Петербургѣ.

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія дѣло пошло быстрѣе впередъ лишь послѣ Высочайшаго утвержденія 30-го мая 1858 года «Положенія о женскихъ училищахъ» и принятія Императрицей нѣсколькихъ училищъ подъ свое покровительство. Во второй половинѣ 1859 г. въ министерствѣ народнаго просвѣщенія было уже больше женскихъ училищъ новаго типа, чѣмъ въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи. Но женскія школы, на которыя у министерства не хватало собственныхъ средствъ, а пожертвованія отъ различныхъ сословій, учрежденій и отдѣльныхъ лицъ поступали туго, скоро начали тяготить его, и въ 1862 г. министръ народнаго просвѣщенія предложилъ принцу Ольденбургскому принять въ свое вѣдѣніе 79 открытыхъ женскихъ училищъ, числящихся въ м—ствѣ. Но вѣдомство соглашалось принять лишь 4 изъ министерскихъ училищъ и дѣло не состоялось. Министерству пришлось сохранить училища за собой (съ 1863 г. имъ присвоено названіе *гимназій*) и изыскивать необходимыя для ихъ поддержанія матеріальныя средства. Убѣждаютъ дѣлать пожертвованія городскія, купеческія и мѣщанскія общества. Они соглашаются, но подъ условіемъ дарового обученія извѣстнаго числа ученицъ изъ своего сословія, да и то соглашаются большею частью не добровольно, а подъ давленіемъ начальства, настоятельно указывавшаго на необходимость подчиниться Высочайшей волѣ. Правда, находились среди купечества отдѣльныя лица, добровольно, по сочувствію къ просвѣщенію, жертвовавшія значи-

тельныя суммы. Были жертвователи и среди крестьянъ. Наибольшее же равнодушіе къ дѣлу проявило дворянство. «Вообще, какъ сословіе,—говоритъ г-жа Лихачева,—оно, за исключеніемъ костромского и могилевскаго, обратившихъ на женскія гимназіи собранныя раньше на институты суммы, почти не участвовало ни въ устройствѣ, ни въ содержаніи женскихъ училищъ, а если жертвовало, то на содержаніе опредѣленнаго числа своихъ стипендіатокъ» [1]).

Но при всемъ томъ училищъ открывалось все больше. Появились они даже въ захолустьяхъ, въ родѣ Мензелинска, Онеги, Тюкалинска, Ялуторовска, Тары, Бирска и т. д., хотя все это были училища съ сокращеннымъ курсомъ, такъ наз. второразрядныя.

Одновременно съ открытіемъ новыхъ училищъ въ министерствѣ шла также выработка новаго положенія о школахъ. Первое «положеніе» (1858 г.) вызвало много нареканій особенно тѣмъ, что устраняло отъ завѣдыванія школами представителей тѣхъ сословій, за счетъ которыхъ учреждены училища. Новое «положеніе»—небывалое дотолѣ дѣло—вырабатывалось не исключительно канцелярскимъ путемъ, а также при нѣкоторомъ участіи заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Проектъ положенія былъ напечатанъ, для возможности обсужденія его въ литературѣ, и разосланъ для обсужденія въ педагогическіе и попечительные совѣты училищъ и др. мѣста. Замѣчанія совѣтовъ и отдѣльныхъ лицъ были напечатаны въ 1862 г. отдѣльнымъ сборникомъ. Замѣчанія свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ сочувствіи идеѣ открытыхъ учебныхъ заведеній. Противъ системы закрытыхъ заведеній высказались не только педагогическіе совѣты, но даже и ученый комитетъ м—ства выразилъ «глубокое убѣжденіе, что закрытыя заведенія, отрывающія дѣтей отъ семействъ, поддерживающія столь пагубную по своимъ

[1]) Тамъ же, 106.

послѣдствіямъ безпечность родителей касательно воспитанія дѣтей, *препятствующія развитію личности воспитывающихся и своимъ дисциплинарнымъ характеромъ воспитанія пріучающія ставить въ каждомъ дѣлѣ форму выше идеи*, уже отжили свое время и должны быть замѣнены открытыми».

Многіе совѣты высказались противъ особаго типа женскихъ заведеній: женщины должны воспитываться такъ же, какъ и мужчины. «Иначе можно подумать,—писалъ совѣтъ симферопольской гимназіи,—что и по новому уставу предполагается приготовлять въ низшихъ и среднихъ училищахъ чиновниковъ и спеціалистовъ, а не людей». Нѣкоторые высказывались даже за совмѣстное обученіе мужчинъ и женщинъ. «Школа должна готовить для совмѣстной жизни мужчину и женщину,—писалъ совѣтъ орловской гимназіи:—зачѣмъ же съ юныхъ лѣтъ раздѣлять на нѣсколько часовъ тѣхъ, которые во все остальное время не раздѣлены?». Совѣтъ симферопольской гимназіи настаивалъ на предоставленіи окончившимъ курсъ женскихъ училищъ права поступать въ университеты. Наиболѣе же единодушно было высказано мнѣніе о необходимости предоставить окончившимъ гимназическій курсъ правъ преподавательницъ.

Что касается системы завѣдыванія школами, то ясно сказалось осужденіе прежней системы опеки. Настаиваютъ на расширеніи состава главнаго административнаго органа гимназіи — попечительныхъ совѣтовъ—включеніемъ туда преподавателей и представителей общества въ лицѣ родителей и «любителей просвѣщенія». Даже ученый комитетъ не сомнѣвался въ томъ, что «допущеніе прямого участія представителей общества въ завѣдываніе учебными заведеніями возбудитъ столь необходимое участіе къ нимъ самого общества, въ настоящее время остающагося совершенно ровнодушнымъ къ училищамъ, и тогда устранится важный недостатокъ нравственной связи между учебными заведеніями и обществомъ». То же мнѣніе было высказано и въ «Журналѣ Минист. Нар. Просв.».

А общество того времени доказало, что въ тѣхъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ, гдѣ ему предоставлена возможность самостоятельной работы, оно умѣетъ, дѣйствительно, отдаться дѣлу. Мы имѣемъ въ виду движеніе въ пользу воскресныхъ школъ, начавшееся открытіемъ въ 1858 г. барономъ Косинскимъ воскресной школы въ Петербургѣ. За ученіе въ воскресныхъ школахъ съ большимъ энтузіазмомъ принялись лица всѣхъ сословій. Живое участіе въ дѣлѣ приняли между прочимъ и студенты. Въ 1859 г. были открыты 2 воскресныхъ школы кіевскими студентами. «Открывъ школы,—говоритъ г-жа Лихачева—кіевскіе студенты вошли въ сношеніе со студентами другихъ университетовъ; вездѣ мысль была принята съ величайшимъ сочувствіемъ; университеты харьковскій, казанскій, также ришельевскій лицей устроили въ своихъ зданіяхъ воскресныя школы, которыя съ тѣхъ поръ стали открываться чрезвычайно быстро, и не только въ большихъ городахъ, но и маленькихъ. Въ 1860 году третья часть общаго числа воскресныхъ школъ была въ столицахъ, почти поровну въ каждой. Въ Петербургѣ изъ 23 воскресныхъ школъ женскихъ было 9» [1]). Учащіе не только учили, но и учились новому для нихъ дѣлу, собираясь часто вмѣстѣ и обмѣниваясь впечатлѣніями, практическими указаніями и т. д.

Администрація первое время относилась очень сочувственно къ движенію и указывала на важность общественнаго интереса къ дѣлу. Помощникъ попечителя петербургскаго учебнаго округа считалъ воскресныя школы полезными и важными, такъ какъ онѣ «возбуждаютъ въ обществѣ участіе къ вопросамъ педагогическимъ и вообще къ судьбѣ учебныхъ заведеній», тогда какъ до сихъ поръ общество, постоянно устраняемое отъ вліянія на свои училища, относилось къ нимъ равнодушно. Министры народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ сообщили губер-

[1]) Тамъ же, стр. 396.

наторамъ, что «признаютъ воскресныя школы полезными и просятъ содѣйствовать ихъ устройству въ городахъ, большихъ и торговыхъ селахъ, вездѣ, гдѣ явится къ тому возможность» [1]). Всѣ вѣдомства, съ Высочайшаго разрѣшенія, предоставили воскреснымъ школамъ помѣщенія въ казенныхъ зданіяхъ.

Новыя вѣянія коснулись и прежнихъ закрытыхъ сословныхъ школъ.

Въ системѣ абсолютной замкнутости, дотолѣ такъ властно и, казалось, непоколебимо царившей въ институтахъ, была пробита серьезная брешь, черезъ которую ворвалась струя свѣжаго воздуха. Сперва нерѣшительно, въ видѣ временной мѣры, а потомъ все болѣе и болѣе систематически начинаютъ разрѣшаться отпуски, дающіе возможность хоть на короткій срокъ попасть въ сферу дѣйствительной жизни. Несмотря на несочувствіе къ нововведенію большинства начальницъ, отпуски узаконяются и распространяются не только на лѣтнія каникулы, но и на праздники Пасхи и Рождества Христова. Раздаются очень откровенныя заявленія совѣтовъ о вредѣ закрытой системы воспитанія вообще, и нѣсколько институтовъ, именно: донской, керченскій и тамбовскій, преобразовываются въ полуоткрытыя учебныя заведенія, съ полупансіонерками и приходящими. Наносится нѣкоторый, хотя и незначительный, ударъ и принципу сословности: въ нѣкоторые институты начинаютъ допускать (чего прежде не дѣлалось) дочерей купцовъ 3-й гильдіи, а въ керченскій институтъ и евреекъ. Измѣняется и программа преподаванія. Въ 1860 г. вѣдомствомъ былъ одобренъ проектъ Ушинскаго, превращавшій институты въ 7-классныя учебныя заведенія и вводившій новые планы. Эти планы значительно повысили требованія по русскому языку, математикѣ, естествознанію, исторіи и географіи.

Внутренній строй мѣнялся, конечно, очень медленно. По-

---

[1]) Тамъ же, стр. 398.

прежнему сохраняется преобладаніе декоративнаго элемента. О реальной жизни, которую приходилось видѣть лишь урывками, держатся довольно нелѣпыя представленія. Благодаря этому воспитанницы охотно вѣрятъ самымъ невѣроятнымъ слухамъ [1]). Кастовыя воззрѣнія попрежнему очень сильны [2]). Но вліяніе такихъ педагоговъ, какъ Ушинскій и Водовозовъ, попавшіе первый инспекторомъ, а второй преподавателемъ словесности въ Смольный институтъ, не могло пройти безслѣдно и для тогдашнихъ институтокъ. Отъ Водовозова институтки узнавали, говоритъ г-жа Лихачева, «о воскресныхъ школахъ, о лучшихъ журналахъ, о театральныхъ пьесахъ; онъ рекомендовалъ имъ прочесть ту или другую журнальную статью, которую иногда самъ приносилъ имъ. Онѣ совѣтовались съ нимъ и о томъ, какъ должны будутъ жить, когда выйдутъ изъ института, разсказывали ему свое семейное положеніе, провѣряли свои мысли, и нѣкоторыя стали серь-

---

[1]) „Хотя нѣкоторые учителя,—передаетъ г-жа Лихачева со словъ *А—вой* („Женская жизнь“),—объясняли воспитанницамъ значеніе крымской войны, знакомили съ разными ея подробностями, не скрывая при этомъ своихъ опасеній за благополучный, въ виду трудностей обороны Севастополя, исходъ ея, но это не мѣшало институткамъ вѣрить сложившимся въ ихъ средѣ росказнямъ о причинѣ войны и о событіяхъ на театрѣ дѣйствій. Институтки серьезно вѣрили, будто турецкій султанъ требуетъ, для прекращенія войны, чтобы Государь отдалъ ему въ султанши одну изъ нихъ и прямо называли предназначенную для этого, первую по ученію и поведенію, воспитанницу; ее всѣ жалѣли, но все-таки упрашивали согласиться на эту жертву, ибо все равно Государь долженъ будетъ исполнить требованіе султана ради спасенія Россіи“ (Мат., 441).

[2]) „Къ освобожденію крестьянъ,—говоритъ г-жа Лихачева,—большинство институтокъ, повторяя, вѣроятно, мнѣнія, слышанныя отъ родителей, относились отрицательно, говорили, что освобождать ихъ рано, ибо крестьяне невѣжественны, что дворяне не должны сочувствовать тому, что дѣлаетъ ихъ бѣднѣе, и что правительство поступило неправильно, освободивъ крестьянъ. Вообще, въ глазахъ большинства, богатство стояло выше знанія, „бѣдный всѣми презираемъ, а богатые счастливы“ (тамъ же, 445).

езно относиться къ ожидающей ихъ послѣ выпуска жизни и дѣятельности» [1]).

Аналогичныя измѣненія происходили и въ духовныхъ училищахъ, число которыхъ значительно увеличилось. И здѣсь были допущены отпуски по настоянію нѣкоторыхъ преосвященныхъ, а особенно по настоянію оберъ-прокурора св. синода Ахматова, заявившаго, что «въ настоящее время положительно доказано и всѣми признано, что съ воспитаніемъ въ закрытыхъ школахъ обыкновенно соединяются весьма важныя педагогическія неудобства, особенно для бѣдныхъ людей». Эти неудобства рѣшено было хотя бы нѣсколько ослабить палліативомъ—отпусками воспитанницъ домой на Пасху, Рождество и каникулы. Расширена была и программа: ариѳметика пополнена свѣдѣніями изъ геометріи, введено естествознаніе, кое-гдѣ по обширной программѣ, въ нѣкоторыхъ школахъ анатомія, физіологія. За особую плату преподавались французскій и нѣмецкій языки и музыка.

Но довѣріе къ общественной самодѣятельности и къ наукѣ оказалось не особенно устойчивымъ въ высшихъ сферахъ. Нѣкоторыя явленія въ жизни учебныхъ заведеній, въ общественной жизни и въ литературѣ показались тревожными, и рѣшено было принять мѣры противъ возможности вредныхъ увлеченій. Общество постепенно лишается и той малой доли участія въ дѣлѣ, которая была предоставлена ему. Реформаторы, пользовавшіеся до той поры самой рѣшительной поддержкой, устраняются. 10 іюня 1862 года состоялось Высочайшее повелѣніе о временномъ закрытіи всѣхъ воскресныхъ школъ впредь до пересмотра правилъ о нихъ. Въ 1862 г. Ушинскій былъ устраненъ изъ Смольнаго. Въ 1864 г. былъ сокращенъ курсъ естествознанія на педагогическихъ курсахъ петербургской Маріинской гимназіи, а при выпускѣ принцъ Ольденбургскій, нашелъ своевременнымъ напутствовать

[1] Тамъ же, 447.

выходящихъ воспитанницъ предостереженіемъ: «я обращаюсь къ вамъ, юныя питомицы мои, съ дружескимъ совѣтомъ человѣка, искренно желающаго вамъ истиннаго добра: не вдавайтесь въ лжеученія матеріализма и нигилизма». Рѣчь эта объясняется ходившими въ обществѣ слухами, что курсы при гимназіи пропагандируютъ нигилизмъ и безнравственность среди слушательницъ.

Съ особою подозрительностью стали относиться къ естествознанію. По поводу его преподаванія въ 1864 г. былъ изданъ конфиденціальный циркуляръ принца съ такими между прочимъ указаніями: «вслѣдствіе появившихся въ новѣйшее время заграничныхъ сочиненій, въ которыхъ видно ясно стремленіе къ матеріализму, вниманіе всѣхъ начальствующихъ лицъ должно быть обращено на то, чтобы естественныя науки преподавались не иначе, какъ съ всегдашнимъ указаніемъ на Премудрость Божію, какъ на единственный источникъ блага».

Но и преподаваніе другихъ наукъ было подвергнуто «бдительнѣйшему надзору», возлагавшемуся на начальниковъ заведеній, а ближайшимъ образомъ на классныхъ дамъ и надзирательницъ, которымъ предписывалось (циркуляромъ того же 1864 г.) «внимательно слѣдить за словами преподавателей и, въ случаѣ если бы онѣ замѣтили вредное направленіе лекцій, немедленно доводить о томъ до свѣдѣнія начальницы». «Неисполнявшія этого требованія будутъ,—передаетъ г-жа Лихачева содержаніе циркуляра, — сочтены соучастницами неблагонамѣренныхъ преподавателей и немедленно удалены изъ заведенія, съ лишеніемъ права вновь поступить на службу въ должности классныхъ дамъ.

Циркуляръ кончался словами принца: «я совѣтовалъ бы всѣмъ должностнымъ лицамъ и преподавателямъ, не раздѣляющимъ настоящихъ убѣжденій, оставить самимъ службу во ввѣренныхъ мнѣ учебныхъ заведеніяхъ, и тѣмъ избавить меня отъ печальной необходимости преслѣдо-

вать ихъ, всею силой предоставленной мнѣ власти, на что, впрочемъ, я вполнѣ рѣшился [1])».

Программы Маріинскихъ гимназій были сокращены и уравнены съ институтскими. Значительно были сокращены противъ прежняго и программы духовныхъ епархіальныхъ училищъ.

Въ 1867 г. палъ жертвой ожесточенной травли, прокричавшей новыя женскія гимназіи разсадниками неблагонадежности, создатель открытыхъ женскихъ заведеній въ Россіи — Вышнеградскій. 8 мѣсяцевъ работала надъ ревизіей постановки дѣла въ гимназіяхъ спеціальная комиссія съ участіемъ личнаго врага Вышнеградскаго — священника Барсова, но даже Барсовъ въ концѣ-концовъ могъ выставить въ качествѣ самого сильнаго обвиненія лишь то, что «преобладающій характеръ гимназическаго воспитанія не христіанско-православный, а гуманическій, общечеловѣческій?» Несмотря на это, также на то, что принцъ, въ теченіе 18 лѣтъ, имѣя Вышнеградскаго подъ своимъ начальствомъ, близко узналъ «нравственную и вѣрноподданическую чистоту всѣхъ его намѣреній и побужденій», и что Императрица, изучившая всѣ журналы ревизіонной комиссіи, не усмотрѣла въ нихъ такой вины Вышнеградскаго, за которую онъ подлежалъ бы какому-либо законному взысканію,—все-таки, «по нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ», найдено было невозможнымъ оставить его во главѣ гимназій [2]).

Въ министерствѣ нар. просв. министра Головнина смѣнилъ графъ Д. А. Толстой, не раздѣлявшій мнѣнія своего предшественника о пользѣ вмѣшательства общества въ просвѣтительныя начинанія. Онъ находилъ нужнымъ по возможности эмансипироваться и отъ матеріальной поддержки общества, требовавшаго за эту поддержку и права голоса въ собственномъ дѣлѣ. «Правительство,—

---

[1]) Тамъ же, 448.
[2]) Тамъ же, 203.

писалъ въ своемъ докладѣ Государю новый министръ,— должно имѣть и возможность, и право слѣдить за женскими учебными заведеніями въ такой же мѣрѣ, какъ оно можетъ слѣдить за мужскими. Правительство, не содѣйствуя ничѣмъ устройству и содержанію женскихъ училищъ, лишило себя этимъ самой возможности контролировать въ достаточной степени производящееся въ нихъ воспитаніе и стѣснило себя въ своихъ дѣйствіяхъ относительно направленія женскаго образованія къ желаемымъ цѣлямъ».

Проектъ «Положенія», выработаннаго въ министерство Головнина, допускалъ участіе въ попечительномъ совѣтѣ, а слѣдовательно и въ управленіи училищемъ, представителей общества и педагогическаго совѣта, а послѣднему предоставлялись вообще довольно широкія полномочія. Гр. Толстой передѣлалъ однако проектъ, и «Положеніемъ», утвержденнымъ въ государственномъ совѣтѣ въ 1870 году, участіе общества и педагогическаго персонала въ попечительныхъ совѣтахъ было устранено. Вмѣстѣ съ тѣмъ сокращенъ кругъ дѣятельности педагогическаго совѣта. Выборъ книгъ для библіотеки, разсмотрѣніе и одобреніе программъ преподаванія по каждому предмету предоставленъ не ему, а высшему начальству. Еще до утвержденія «Положенія», въ первый годъ управленія министерствомъ гр. Толстого, изъ попечительнаго совѣта полтавскаго училища, державшагося даровымъ трудомъ преподавателей, были устранены выборные отъ педагогическаго совѣта. Особенно тщательно къ какому бы то ни было вмѣшательству въ дѣла не допускаются земства, а отчасти и городскія думы. Даже въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя содержались исключительно на земскій счетъ, министерствомъ вводятся сокращенія программъ, исключаются существенныя, по мнѣнію земства, части курса, а когда оно, въ виду измѣнившейся постановки дѣла въ школѣ, отказываетъ въ ассигновкахъ, постановленія его опротестовываются губернаторами. И казанское, и са-

марское, и харьковское, и тверское, и костромское, и многія другія земства горькимъ опытомъ убѣдились въ невозможности фактическаго завѣдыванія устроенными и содержимыми ими самими учебными заведеніями. Всего подозрительнѣе министерство относилось къ устроеннымъ земствами учительскимъ семинаріямъ. Имъ не сочувствовалъ гр. Толстой, а за нимъ и директора народныхъ училищъ. Тверской и костромской земскимъ женскимъ семинаріямъ пришлось пережить очень тяжелые годы, и лишь послѣ замѣны въ 1880 г. Толстого Сабуровымъ у земства явилась надежда на то, что, «грозившія существованію школы невзгоды, повидимому, отошли въ область прошедшаго [1]).

Той же политики—устраненія всякаго вмѣшательства земства въ содержимыя имъ учебныя заведенія—министерство держалось и по отношенію къ гимназіямъ, напримѣръ, екатеринбургской. Вѣдомство Императрицы Маріи было нѣсколько сговорчивѣй въ этомъ отношеніи и послѣ *десятилѣтней*, правда, переписки допустило представителей земства и города къ участію въ дѣлахъ саратовской женской гимназіи.

Хотя измѣненное въ самомъ корнѣ устраненіемъ общественнаго элемента и внесеніемъ принципа «какъ бы чего не вышло», дѣло продолжало расширяться. Въ 1880 г., которымъ кончаются пока «Матеріалы» г-жи Лихачевой, въ министерствѣ нар. просв. было 82 женскихъ (восьмиклассныхъ) гимназіи и 164 прогимназіи. Въ то же время въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи было 30 гимназій (съ 7 общими классами, при нѣкоторыхъ, дополнительными одногодичными или двухгодичными педагогическими курсами) и 1 прогимназія, съ общимъ числомъ 11.786 воспитанницъ. Многолюднѣйшими гимназіями вѣдомства были (въ 1877 г.). могилевская (762 уч.), петербургская Маріинская (743 уч.) и кіевская фундукле-

[1]) Слова постановленія костр. зем. собр. 1880 года.

евская (734 уч.). — Число институтовъ въ царствованіе Императора Александра II оставалось безъ измѣненія: прибавился одинъ—орловскій (1864), но, съ другой стороны, астраханскій институтъ былъ преобразованъ въ гимназію.

Окончившимъ курсъ какъ въ Маріинскихъ, такъ и въ министерскихъ женскихъ гимназіяхъ были предоставлены,—по примѣру институтовъ, еще раньше получившихъ эти права, — право домашнихъ учительницъ (и наставницъ). Права домашнихъ учительницъ были предоставлены также и окончившимъ женскія епархіальныя училища. Но наибольшее примѣненіе своимъ знаніямъ воспитанницы духовныхъ училищъ нашли съ 1869 года, когда были учреждены народныя училища. «По свидѣтельству оберъ-прокурора синода,—пишетъ г-жа Лихачева,—въ 1882 году воспитанницы женскихъ духовныхъ училищъ представляли «весьма цѣнный контингентъ народныхъ учительницъ» и Синодъ призналъ за этими ученицами «общегосударственное значеніе» [1]). Спеціально же къ дѣлу преподаванія въ народныхъ училищахъ женщины готовились въ женскихъ учительскихъ школахъ и семинаріяхъ, которыхъ въ 1880 году было 9.

Что касается развитія низшаго женскаго образованія, то въ царствованіе Александра II оно не сдѣлало особенно большихъ успѣховъ. И здѣсь многое тормозилось недовѣрчивымъ отношеніемъ м-ства нар. просв. къ общественнымъ начинаніямъ. Такъ, петербургская дума подняла вопросъ объ открытіи женскихъ школъ въ столицѣ еще въ 1864 г., но переписка съ министерствомъ затянулась на цѣлыхъ *13 лѣтъ* и только въ 1877 г. дума могла приступить къ дѣлу.

Во всѣхъ городскихъ училищахъ къ 1 января 1878 г. училось 48.192 дѣвочки, изъ нихъ 6.800 въ двухклассныхъ училищахъ и 41.392 въ одноклассныхъ. Въ сельскихъ же

[1]) Тамъ же, стр. 389.

училищахъ всѣхъ вѣдомствъ, по однодневной переписи 20 марта 1880 г., оказалось 235.997 дѣвочекъ. Большинство ихъ училось въ смѣшанныхъ училищахъ: изъ общаго числа училищъ, равнявшагося 22.770, только 611 было для однѣхъ дѣвочекъ.

Для періода царствованія Императора Александра II приходится говорить не только о низшемъ и среднемъ женскомъ образованіи, какъ раньше, но и объ образованіи высшемъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ пробужденіе умственной жизни въ русскомъ обществѣ сказалось между прочимъ и въ стремленіи женщинъ къ высшему образованію. «Въ Петербургѣ,—говоритъ г-жа Лихачева, съ 1859 года, и нѣсколько позже въ Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, женщины стали посѣщать университетскія лекціи въ качествѣ вольнослушательницъ; въ Петербургѣ большинство ихъ ходило только на лѣкціи извѣстныхъ профессоровъ: Костомарова, Стасюлевича, Спасовича, Соколова (химія), но 3 женщины посѣщали всѣ лекціи избраннаго ими факультета и намѣревались держать экзаменъ на степень кандидата. Женщины ходили и въ медицинскую академію, а двѣ держали въ 1860 г. экзаменъ у профессора анатоміи Грубера; въ кіевскомъ университетѣ одна женщина выдержала экзаменъ на званіе врача» [1]).

Когда въ 1861 году была образована комиссія для пересмотра университетскаго устава, то ею между прочимъ былъ поднятъ вопросъ о допущеніи въ число студентовъ также женщинъ, и всѣ совѣты университетовъ, за исключеніемъ московскаго (23 голоса противъ и только 2—за) и дерптскаго, высказались за рѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ. Ученый комитетъ включилъ даже примѣчаніе къ одному изъ параграфовъ проекта устава, которымъ женщинамъ разрѣшалось посѣщеніе универ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 468—469.

ситетовъ. Но начались студенческія волненія въ Петербургѣ, во время которыхъ была арестована одна изъ посѣщавшихъ университетъ женщинъ, и это рѣзко измѣнило отношеніе къ дѣлу въ высшихъ сферахъ. Упомянутое примѣчаніе было исключено государственнымъ совѣтомъ изъ проекта устава. Женщины продолжали еще ходить на лекціи лишь въ медицинскую академію, но и это было запрещено имъ приказомъ военнаго министра въ 1864 г.

Казалось, высшее женское образованіе было совершенно закрыто для женщинъ въ Россіи, и стремившіяся къ нему стали стучаться въ двери заграничныхъ университетовъ. Одинъ изъ первыхъ опытовъ этого рода былъ сдѣланъ Н. П. Сусловой, поступившей на медицинскій факультетъ цюрихскаго университета весной 1865 г., а 2-го декабря 1867 г. уже блестяще защитившей свою докторскую диссертацію (въ началѣ 1868 г. Суслова получила право врачебной практики и въ Россіи).

Но многія не хотѣли отказаться отъ надежды добиться для женщинъ права на университетское образованіе и въ Россіи. Въ то время было много женскихъ кружковъ, поставившихъ себѣ цѣлью завоеваніе общечеловѣческихъ правъ для женщинъ, и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ среди нихъ былъ кружокъ, душою котораго были три выдающихся по своей преданности дѣлу, талантамъ и энергіи женщины: М. В. Трубникова, А. П. Философова и Н. В. Стасова.

Кружокъ этотъ занялся сперва переводомъ и изданіемъ книгъ. Затѣмъ, убѣдившись въ недостаточности запаса свѣдѣній у женщинъ, онъ устроилъ вскладчину курсы и систематическія лекціи на частныхъ квартирахъ. То же дѣлали и другіе аналогичные кружки, устраивавшіе иногда и практическія занятія по опытнымъ наукамъ въ частныхъ лабораторіяхъ. Новое направленіе дѣятельности кружка М. В. Трубниковой сообщила записка, поданная Евг. Ив. Конради на первомъ съѣздѣ естествоиспытателей на святкахъ 1867—1868 гг. и заключавшая въ себѣ просьбу

бу къ съѣзду ходатайствовать предъ правительствомъ «о проведеніи въ жизнь той или другой мѣры, которую оно сочтетъ наилучшею для того, чтобы сдѣлать русскихъ матерей не номинальными, но дѣйствительными руководительницами первоначальнаго образованія ихъ дѣтей, на сколько образованіе это соприкасается съ спеціальною отраслью знанія, составляющею цѣль самого съѣзда».

Хотя съѣздъ и отклонилъ отъ себя, какъ не подлежащее ему, возбужденіе этого ходатайства, но этотъ отказъ не затормозилъ дѣла: идея Е. И. Конради встрѣтила большое сочувствіе въ кругахъ образованныхъ женщинъ, особенно же въ кружкѣ Трубниковой, и весною 1868 г. ректору петербургскаго университета была подана просьба, за подписью 400 женщинъ, о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій въ стѣнахъ университета въ свободные отъ занятій студентовъ часы.

Совѣтъ отнесся очень сочувственно къ дѣлу, начались совѣщанія профессоровъ съ кружкомъ Трубниковой. Труднѣйшимъ казался вопросъ о гонорарѣ, но онъ разрѣшился просто: 43 профессора, собравшіеся на квартирѣ М. В. Трубниковой, единогласно (закрытыми записками) рѣшили читать «первый годъ *даромъ*». Но требовалось еще разрѣшеніе правительства. Похлопотать объ этомъ предъ министромъ нар. просв. отправились уполномоченныя съ Н. В. Стасовой и проф. А. Н. Бекетовымъ во главѣ. Разговаривали долго, гр. Толстой указывалъ на неудобоисполнимость плана. «Въ концѣ концовъ,—разсказываетъ Н. В. Стасова,—графъ Толстой сказалъ: «я долженъ вамъ сказать, что навѣрное Императоръ не разрѣшитъ университества. Все, что можно будетъ устроить, я думаю—это публичныя лекціи». Это насъ опѣшило. Я стала къ нему приставать и прямо сказала: «мы всѣ хорошо знаемъ, что рѣшеніе этого вопроса всецѣло зависитъ отъ васъ: какъ вы доложите, какой колоритъ придадите, такъ и будетъ рѣшено». А онъ на это: «видно, что дамы просятъ и не стѣсняются. Конечно, вы всѣ не сомнѣваетесь

въ моемъ сочувствіи этому дѣлу; я буду хлопотать, но почти увѣренъ, что не дозволятъ. Можно только разсчитывать на публичныя лекціи. Я пришлю вамъ отвѣтъ, а васъ, Андрей Николаевичъ, попрошу пріѣхать ко мнѣ завтра, чтобы вмѣстѣ прочесть вашу записку».

Отвѣтъ былъ полученъ три недѣли спустя и заключалъ отказъ въ просьбѣ объ открытіи для женщинъ университета. Давалось лишь разрѣшеніе на то, чтобы были устроены общія публичныя лекціи, «т.-е. совокупно для мужчинъ и женщинъ, на основаніи существующихъ нынѣ о публичныхъ лекціяхъ постановленій, буде гг. профессора университета изъявятъ на это согласіе». Скрѣпя сердце, пришлось примириться и съ этимъ. Обратились съ измѣненнымъ ходатайствомъ къ ректору. Благодаря энергичному содѣйствію профессора Бекетова, дѣло уладилось и съ профессорами, и съ гр. Толстымъ, предоставившимъ для курсовъ помѣщеніе въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, въ нижнемъ этажѣ собственной квартиры, и разрѣшившимъ пользоваться всѣми кабинетами университета.

Еще годъ прошелъ, пока было получено офиціальное разрѣшеніе, а когда оно пришло, въ концѣ 1869 г., въ три недѣли на курсы записалось 900 чел., изъ нихъ 767 женщинъ. 20 января 1870 г. курсы открылись въ отведенномъ имъ гр. Толстымъ помѣщеніи. Но черезъ полгода оно понадобилось для другой цѣли, и пришлось перекочевать въ зданіе владимірскаго уѣзднаго училища, гдѣ курсы оставались въ теченіе двухъ лѣтъ, получивъ названіе *владимірскихъ*. Хотя курсы были открыты подъ тѣмъ условіемъ, чтобы быть общими для мужчинъ и женщинъ, но профессора сосредоточили все свое вниманіе на слушательницахъ-женщинахъ. «Профессора,—говоритъ Н. В. Стасова,—игнорировали навязанныхъ имъ слушателей-мужчинъ, они всецѣло относились только къ женской аудиторіи, а тѣхъ терпѣли, какъ необходимое зло, и на демонстративныхъ лекціяхъ только обращались

къ женщинамъ. Но надо сказать, что на нѣкоторыя лекціи приходили и дѣйствительно занимающіеся мужчины; только ихъ было мало и ихъ хорошо можно было отличить отъ грязной толпы явившихся—кто изъ любопытства, кто соглядатаемъ, а кто и за гнуснымъ поискомъ интриги».

«Въ первые два года,—говоритъ г-жа Лихачева,—на курсахъ читались лекціи: по русской словесности (проф. О. Миллеръ), русской и всеобщей исторіи (Бестужевъ-Рюминъ и Бауеръ), ботаникѣ (Бекетовъ и Фаминцынъ), зоологіи (Вагнеръ и Брандтъ), геологіи (Иностранцевъ), анатоміи (Овсянниковъ), физіологіи человѣка (Сѣченовъ), физикѣ (Усовъ), химіи органич. и неорганической (Бутлеровъ и Меншуткинъ) и, съ 1871 г., въ теченіе двухъ лѣтъ читались лекціи по государственному и уголовному праву (Пахманъ, Таганцевъ, Градовскій), а нѣсколько позже и по статистикѣ и политической экономіи (Янсонъ)» [1]).

Будучи разрѣшенными, курсы находились на положеніи лишь терпимыхъ, но возбуждающихъ къ себѣ подозрѣніе. Программы представлялись на пересмотръ III отдѣленія, и чтеніе лекцій шло лишь по одобреннымъ имъ (часто съ большими задержками) программамъ; во все время существованія курсовъ ни со стороны профессоровъ, ни со стороны слушательницъ не было допущено ничего предосудительнаго, и тѣмъ не менѣе на 2-й годъ существованія курсовъ оберъ-полицмейстеръ далъ неблагопріятный отзывъ о нихъ. По поводу чтенія лекцій говорилось между прочимъ: «Государственное и уголовное право читаютъ два молодыхъ профессора, Градовскій и Таганцевъ, повидимому, изъ моды... Они проповѣдуютъ вредныя истины, Градовскій — о государственной власти и формѣ правленія».

«Главный же вредъ курсовъ,—говоритъ г-жа Лихачева,—оберъ-полицмейстеръ видѣлъ въ развитіи корпоративнаго духа между молодыми дѣвушками; это сказы-

---

[1]) Тамъ же, 522.

вается и въ ихъ внѣшности: черныя платья, остриженные волосы, очки: «все говоритъ о принадлежности къ петербургскому обществу нигилистовъ... Отсюда нигилистическое направленіе можетъ распространяться неудержимо и здѣсь имѣетъ всѣ способы созрѣвать во взаимныхъ бесѣдахъ» [1]).

Въ 1874 г. владимірскіе курсы были переведены въ василеостровскую гимназію, при чемъ на перемѣщеніе было выдано министерствомъ 1.000 рублей. Но этой суммы не было достаточно для покрытія возраставшихъ матеріальныхъ нуждъ курсовъ, и, за неимѣніемъ средствъ, учредительницы въ концѣ 1875 г. рѣшились временно закрыть курсы, не теряя, впрочемъ, надежды на возрожденіе ихъ въ новомъ, усовершенствованномъ видѣ.

Надѣяться на это можно было потому, что движеніе въ пользу высшаго женскаго образованія въ Россіи сдѣлало къ тому времени значительные успѣхи.

Еще до открытія петербургскихъ публичныхъ курсовъ, 1-го апрѣля 1869 г., были открыты петербургскіе педагогическіе (такъ наз. *аларчинскіе*) курсы, гдѣ читались лекціи по русскому языку, геометріи, алгебрѣ, физикѣ, химіи и педагогикѣ, а 1-го октября того же 1869 г. были открыты московскіе *лубянскіе* курсы, на которыхъ разрѣшено было преподавать «тѣ же предметы, какіе преподаются въ классическихъ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія». Изъ числа 200 слушательницъ лубянскихъ курсовъ большинство записалось на лекціи физики, математики, русскаго языка, исторіи и латинскаго языка.

Высшимъ образованіемъ все это, конечно, можно было назвать лишь съ натяжкой. Но несомнѣнно высшее образованіе давали московскіе курсы проф. Герье, открытые 1-го ноября 1872 г. Преподаваніе здѣсь было гораздо ближе къ университетскому, чѣмъ на публичныхъ кур-

---

[1]) Тамъ же, 526.

сахъ въ Петербургѣ; число предметовъ—меньше [1]). «На курсахъ,—говоритъ г-жа Лихачева,—были устроены семинаріи по литературѣ и исторіи, представлялись письменныя работы въ видѣ сочиненій и рефератовъ; вообще, по свидѣтельству профессора Герье, въ женскіе курсы былъ внесенъ серьезно-научный элементъ, «что нельзя не признать совершенной новинкой въ дѣлѣ нашего женскаго образованія по отношенію къ тѣмъ наукамъ, которыя входятъ въ программу курсовъ» [2]).

Еще большимъ шагомъ впередъ было допущеніе женщинъ къ медицинскому образованію. Онъ совершился, благодаря вмѣшательству совершенно посторонняго, казалось, дѣлу министерства. А именно, въ мартѣ 1872 г. *военный* министръ гр. Милютинъ, опираясь на Высочайшее повелѣніе 14-го января 1871 г. объ устройствѣ отдѣльныхъ для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ, просилъ разрѣшенія устроить подобные курсы при медико-хирургической академіи, «обладающей всѣми средствами для правильнаго образованія ученыхъ акушерокъ и представляющей возможность устроить особые для женщинъ курсы въ отдѣльномъ отъ студентовъ помѣщеніи». Затѣмъ представленъ былъ дополнительный докладъ, выяснявшій, что «ученыя акушерки» будутъ проходить полный курсъ медицинскихъ наукъ, а окончательному испытанію будутъ подвергаться по программѣ, *примѣнительно* установленной на степень лѣкаря. Докладъ этотъ былъ утвержденъ Государемъ, а 8-го іюля 1872 г. было Высочайше утверждено и временное положеніе «*объ особомъ женскомъ курсѣ при Императорской медико-хирургической академіи для образованія ученыхъ акушерокъ*». На «особый курсъ»

---

[1]) Читались: рус. языкъ и литература (проф. Тихонравовъ), исторія цивилизаціи (пр. Герье), всеобщая лит. (пр. Стороженко), всеобщая исторія (Фортунатовъ), рус. исторія (пр. Ключевскій), введеніе въ физику и математику (Вишперъ), космографія и астрономія (пр. Бредихинъ).

[2]) Тамъ же, 595.

принимались послѣ провѣрочнаго экзамена изъ предметовъ полнаго курса женскихъ гимназій, и изъ 109 экзаменовавшихся принято было 90.

Для большинства пребываніе на медицинскихъ, совершенно такъ же, какъ и на другихъ курсахъ, было сопряжено съ большими жертвами. Достаточную поддержку изъ дому получало незначительное меньшинство, стипендій первое время не было никакихъ, платную работу найти было очень трудно и, «несмотря на эти печальныя условія, которыя, можно сказать, пожирали ихъ физическія силы, студентки,—говоритъ въ своей статьѣ о «женскихъ врачебныхъ курсахъ въ Петербургѣ» г-жа Некрасова,—были всегда бодры, дѣятельны, оживлены и относились къ матеріальнымъ невзгодамъ съ той веселой ироніей, которая возможна или въ лѣта юности, когда дается мало цѣны матеріальнымъ удобствамъ, или же когда духовная жизнь поглощаетъ человѣка съ такой силой, что онъ, какъ бы наперекоръ законамъ физіологіи, весь день не ѣлъ и не чувствуетъ голода».

Предоставленіе женщинамъ нѣкоторой возможности получить высшее образованіе и въ Россіи не прекратило все усиливавшагося отъѣзда многихъ русскихъ дѣвушекъ за границу. Это обстоятельство встревожило правительство, такъ какъ, по словамъ офиціальнаго извѣщенія, напечатаннаго въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» 21 мая 1873 года, учащіяся увлекаются въ Цюрихѣ «безплодной политической агитаціей». Этимъ «извѣщеніемъ» правительство предупредило учащихся въ Цюрихѣ женщинъ о необходимости вернуться къ 1-му января 1874 г. въ Россію, подъ страхомъ недопущенія, въ противномъ случаѣ, къ какимъ бы то ни было занятіямъ на родинѣ. При этомъ указывалось, что ищущія высшаго образованія могутъ получить его и на открытыхъ уже курсахъ въ Россіи, а кромѣ того эта возможность еще расширится въ будущемъ, такъ какъ «въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ жен-

скихъ учебныхъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ».

Для обсужденія вопроса о подлежащихъ открытію высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній была назначена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова изъ представителей министерства народнаго просвѣщенія и вѣдомства Императрицы Маріи. Въ числѣ членовъ комиссіи были и прямые враги высшаго женскаго образованія.

Работы комиссіи не имѣли практическаго результата. Выработанный ею проектъ 3-класснаго высшаго учебнаго заведенія не получилъ одобренія. Вмѣсто открытія самимъ правительствомъ такихъ заведеній рѣшено было удовлетворить ходатайства объ открытіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ и Казани и преобразовать петербургскіе и московскіе курсы [1]).

Согласно съ новыми правилами и были открыты высшіе женскіе курсы въ Кіевѣ и Казани, а въ 1878 г. временно закрытые петербургскіе владимірскіе курсы возникли въ преобразованномъ видѣ. Во главѣ ихъ сталъ пр. Бестужевъ-Рюминъ, имя котораго они и получили. Бестужевскіе курсы открылись при 795 слушательницахъ, изъ которыхъ 526 записалось постоянными. Курсы открылись

---

[1]) Существованіе курсовъ обусловливалось тѣмъ, чтобы курсы 1) назывались высшими женскими курсами, учрежденными въ такомъ-то городѣ такимъ-то лицомъ, но безъ прибавленія словъ: состоящими при университетахъ; 2) состояли на общемъ со всѣми частными заведеніями основаніи, подъ надлежащимъ наблюденіемъ начальства учебнаго округа, и 3) чтобы въ разрѣшеніи учебныхъ вопросовъ и по официальной перепискѣ они были подчинены учебно-окружному начальству наравнѣ съ другими частными учебными заведеніями, при чемъ въ министерство народнаго просвѣщенія должны быть представляемы для свѣдѣнія какъ утвержденные начальствомъ уставъ, положеніе, учебные планы или программы курсовъ, такъ и подробныя и обстоятельныя данныя о ходѣ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ („Мат.“, 592).

съ двумя отдѣленіями: словеснымъ и физико-математическимъ. На поддержаніе Бестужевскихъ курсовъ было разрѣшено выдавать изъ казны по 3.000 р. въ годъ.

И новымъ курсамъ пришлось бороться съ предубѣжденіями противъ нихъ, и графу Толстому довелось защищать ихъ противъ нападокъ шефа жандармовъ ген.-ад. Дрентельна. Но, несмотря на различныя противодѣйствія и на недостатокъ матеріальныхъ средствъ, курсы развивались, и въ $18^{81}/_{82}$ гг. на всѣхъ четырехъ курсахъ было 990 слушательницъ (938 постоянныхъ).

Изъ провинціальныхъ курсовъ наиболѣе многолюдными были кіевскіе: въ 1880—81 гг. на нихъ было 397 слушательницъ. Къ этому времени изъ всѣхъ университетскихъ городовъ курсовъ не было лишь въ Харьковѣ и Дерптѣ.

Несмотря на всѣ ходатайства, окончившимъ высшіе курсы не было предоставлено никакихъ правъ, такъ что имъ трудно было доказать на дѣлѣ основательность полученнаго ими высшаго образованія.

Слушательницамъ медицинскихъ курсовъ болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи. Въ годъ перваго выпускного экзамена началась турецкая война, и многія изъ слушательницъ 5-го курса еще до экзамена отправились на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ работали наравнѣ со студентами-медиками 5-го курса и даже кончившими врачами, и работали съ несомнѣнной пользой для дѣла. Полевой военно-медицинскій инспекторъ въ докладѣ начальнику штаба свидѣтельствовалъ, что командированныя въ дѣйствующую армію слушательницы «съ самаго начала кампаніи, при неимовѣрномъ рвеніи и сознательномъ пониманіи дѣла, выказали себя съ самой лучшей стороны и доставленною ими хирургическою и терапевтическою помощью въ госпиталяхъ вполнѣ оправдали въ этомъ первомъ опытѣ ожиданія медицинскаго начальства... Самоотверженная работа женскихъ ординаторовъ среди опасностей и лишеній, среди тифозной заболѣваемости, жертвою которой была не одна изъ нихъ, обратила на себя всеобщее вни-

маніе, и какъ первый примѣръ примѣненія женскаго труда въ военномъ дѣлѣ заслуживаетъ отличія и поощренія».

Несмотря на эту блестящую пробу, права на врачебную практику не сразу были дарованы окончившимъ медицинскіе курсы. Офиціально онѣ звались лишь «учеными акушерками», и въ теченіе трехъ лѣтъ шла переписка, происходили собранія спеціальной комиссіи, и только 14-го іюня 1880 г. вопросъ о медицинской практикѣ женщинъ былъ разрѣшенъ утвердительно дарованіемъ окончившимъ на врачебныхъ курсахъ женщинамъ нагруднаго знака отличія на право врачебной практики.

Но къ сожалѣнію, эти права были дарованы почти что наканунѣ закрытія курсовъ: въ декабрѣ 1881 г. новый военный министръ Ванновскій, замѣстившій гр. Милютина, предложилъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія принять курсы въ свое вѣдѣніе, находя, что «по характеру дѣятельности военнаго вѣдомства дальнѣйшее состояніе при немъ женскихъ врачебныхъ курсовъ нельзя не признать неудобнымъ». Передача не состоялась и въ 1882 г. женскіе медицинскіе курсы были упразднены [1]).

Закрытіе ихъ было первымъ жестокимъ ударомъ, нанесеннымъ высшему женскому образованію въ Россіи, за которымъ вскорѣ послѣдовали и другіе. Пришлось снова и долго бороться за пріобрѣтенныя было, но утраченныя права, и лишь въ самое недавнее время удалось вернуть кое-что изъ прежняго.

---

[1]) За все время существованія курсовъ, съ 1872 по 1881 г., на нихъ состояло 959 слушательницъ.